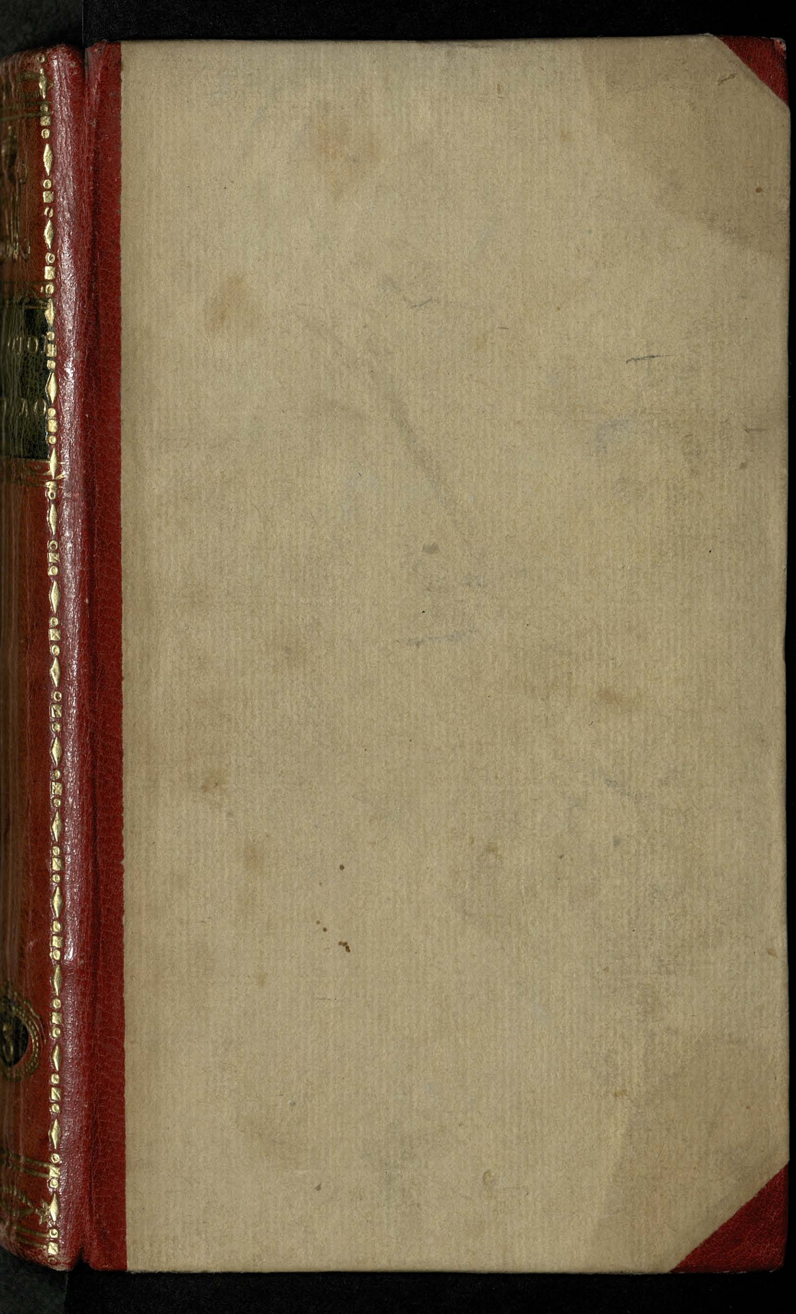

ЗОЛОТОЕ ЗЕРКАЛО,
ИЛИ
ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ,
ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ.

Переведена
съ
ФРАНЦУЗСКАГО.

Νῦν δ' αἶνον βασιλεῦσ' ἐρέω φρονέουσι
καὶ αὐτοῖς. т. е.

Хотя Цари и сами мудрствуютъ,
однако я намѣренъ разсказать
имъ повѣсть.

Гезіодъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи, у
Н. Новикова, 1781 года.

ИЗДАТЕЛЬ КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Кто о предметахъ практическія философіи, то есть, о такихъ предметахъ, которые какъ для большія такъ и для знатнѣйшія части людей преимущественнѣйшія суть важности, въ наставленіе и исправленіе своихъ читателей писать хочетъ, тому предлежатъ къ сему два пути. Онъ можетъ оное произвести въ дѣйство или общими разсужденіями, теоріями и доказательствами, взятыми отъ свойствъ (a priori) или примѣрами и опытами.

Оба пути имѣютъ особливыя выгоды и неудобности.

Общія теоріи имѣютъ ту выгоду, что связь и порядокъ понятій, изъ которыхъ онѣ состоятъ, удобнѣе могутъ быть усма-

трипаемы; онѣ имѣютъ большій пидъ оснопательности; онѣ допускаютъ острѣйшія доказательстпа. Чѣмъ онѣ общѣе, тѣмъ плодопитѣе ихъ положенія; читатель разумѣющій ихъ только посредстпенно, имѣетъ удопольстпіе ласкаться, что онъ обозрѣпаетъ обширныя поля челопѣческаго познанія, и пъ состояніи рѣшить наипажнѣйшіе попросы: сперьхъ сего общія разсужденія о нрапоучительныхъ и политическихъ предметахъ имѣютъ то преимущестпо, что онѣ менѣе подперженны крипымъ толкамъ, и по общее менѣе оскорбительны, нежели такія сочиненія, пъ коихъ разсужденія и заключенія оснопыпаются на пведеніи пзятомъ изъ опытопъ и примѣропъ. Можно бы было поспятить Калигулѣ, или Домитіану отплеченную систему о прапленіи государстпа, безъ опасенія, имъ чрезъ то не понрапиться, или сдѣлаться имъ подозрительнымъ.

Съ другія стороны никакій благоразумный челопѣкъ не оспоритъ, что общія о практическихъ истин-

истиннахъ разсужденія и тогда, когда у нихъ не недостаетъ ни ясности ни основательности, имѣютъ неудобства, чрезъ которыя дѣлаются почти совсѣмъ безполезными для наставленія и поправленія большія части людей между всѣми классами и всѣми состояніями. По таковымъ причинамъ, коихъ подробность была бы здѣсь пространна, вразумительны онѣ, порядочнымъ образомъ ученымъ людямъ, да и между ими самому меньшему числу. Прочіе люди находятъ такое разсужденіе сухимъ и непріятнымъ, единственно по тому, что имъ стыдно признаться, что оно имъ невразумительно. И такъ по естественному слѣдствію мало онѣ читаются; и сіе единое было бы довольною причиною побудить къ оставленію сего пути сочинителей, хотящихъ писать о истиннахъ особливо для всего человѣческаго рода важныхъ. Но они къ сему имѣютъ другую побудительную причину, находящуюся въ довольномъ разстояніи отвлеченнѣйшія и всеобщія части прак-

ктическія Философіи отъ круга нашея дѣйственности, въ которомъ мы должны оную употреблять. Можно при весьма ученомъ познаніи всеобщія теоріи человѣческія природы, имѣть весьма мало познанія о свѣтѣ, и въ самое то время, когда мы имѣемъ въ умѣ самыя лучшія всеобщія положенія, за недостаткомъ познанія особенныхъ правилъ, учинить величайшія ошибки, прикладывая оныя къ разнымъ встрѣчающимся случаямъ. Это правда, что сіе не произойдетъ съ тѣмъ, который всеобщія свои понятія и положенія почерпнулъ изъ дѣйствительныхъ наблюденій и возвышался постепенно отъ познанія нераздѣльнаго и особеннаго ко всеобщему со всякою точностію, которая по законамъ логики при семъ дѣйствіи должна быть наблюдаема. Поелику такому человѣку всегда будетъ легко возвратиться чрезъ весь путь паки назадъ, и спуститься отъ всеобщихъ понятій къ особеннымъ и нераздѣльнымъ, такъ какъ онъ отъ сихъ восходилъ къ тѣмъ. Но въ

семъ

семъ случаѣ весьма мало находится такихъ, кои читаютъ системы наукъ и отвлеченныя умозрѣнія. Чрезъ то самое, все то, чему большая часть изъ такихъ сочиненій научается, состоитъ въ неопредѣленныхъ и косвенныхъ понятіяхъ, которыхъ они или не въ состояніи употреблять, или какъ ежедневно можно имѣть случай примѣтить, употребляютъ неправильно и ложно.

Способъ учить и поправлять чрезъ примѣры или чрезъ опыты свободенъ отъ сего двоякаго недостатка. Онъ подаетъ родъ разсудительнаго (intuitive) познанія, къ которому довольно способна большая часть. Понятія чрезъ него получаемыя, опредѣленны, и ведутъ насъ чрезъ то же самое къ безопаснѣйшимъ практическимъ разсужденіямъ. Живыя представленія, возбужденныя въ насъ безъ особеннаго принужденія нашего вниманія, утѣшаютъ насъ пріятнымъ образомъ; сердце привлекается, трогается, колеблется по размѣрности, чѣмъ вещи намъ изобража-

емыя, свойственнѣе къ произвожденію по своей природѣ сихъ дѣйствій. Мы чувствуемъ истинное, любимъ изрядное и доброе, гнушаемся неправдою и порокомъ, обожаемъ добродѣтель, между тѣмъ, когда бы намъ сіи же самые предметы представлены были подъ отвлеченнымъ и всеобщимъ видомъ, то бы мы изслѣдовали ихъ особливо съ хладнокровіемъ.

Съ другія стороны способъ сей подверженъ безразсуднымъ и злобнымъ толкамъ. Многіе люди имѣютъ злость дѣлать всеобщими такія предложенія, которыя истинны подъ нѣкоторыми только опредѣленіями; они пропускаютъ положенія, и дѣлаютъ чрезъ то ложныя и обманчивыя слѣдствія. Писатель, который затмѣваетъ наставленіе свое примѣрами, не можетъ сдѣлать никакихъ довольно примѣчательныхъ свойствъ, что бы большая часть не пришла тотчасъ въ движеніе отыскивать къ тому подлинника между своими знакомцами. Ежели свойство истинно (и чрезъ сіе

сіе единое можетъ оно сдѣлаться обильнымъ къ наставленію), то должно оно конечно уподобляться кому нибудь; но сей нѣкто жилъ можетъ быть за шесть сотъ лѣтъ или родится чрезъ шесть сотъ лѣтъ. И такъ смѣшно, и часто въ отношеніи къ писателю несправедливо и безчестно искать всегда, и хотѣть найти между живыми подлинники лицъ, вводимыхъ въ явленіе. Сей поступокъ кажется быть сходенъ частію съ нѣкоторымъ закономъ, которому душа наша слѣдуетъ въ своихъ умозрительныхъ дѣйствіяхъ, частію съ нѣкоторою злобою, отъ которыя сердце человѣческое не можетъ защититься. Но то подлинно, что онъ совсѣмъ противу идетъ природѣ и намѣренію способа ученія чрезъ примѣры. Это явное злоупотребленіе, но такое злоупотребленіе, котораго невозможно избѣжать писателю, есть ли онъ не откажется по крайности отъ преблагородныя части своего чина. Конечно извѣстно, что были (и въ немаломъ числѣ)

такіе писатели, которые, подъ видомъ наставленія чрезъ примѣры, писали личныя сатиры въ удовлетвореніе или своимъ особеннымъ страстямъ, или чтобъ сдѣлаться подлымъ образомъ орудіемъ злобы другаго. Но сіи примѣры доказываютъ столько же мало противу другихъ писателей, преподающихъ нравоученіе путемъ опытовъ, какъ примѣры такихъ людей, которые злоупотребили свой разумъ противу тѣхъ, которые употребляютъ ихъ. Порядочнымъ образомъ, и покуды надлежаще не докажется, что намѣреніе писателя состояло въ томъ, что бы начертать дѣйствительное лице, изображая портретъ Шах-Долки или Азора, Исфандіара или Тифана, Эблиса или Кадора, писатель ни о чемъ другомъ не старается, какъ вразумить намъ опредѣленнымъ и живымъ образомъ, „ какъ думаютъ и поступаютъ тѣ „ люди, которые уподобляются „ симъ образцамъ, и какія слѣд- „ ствія можетъ имѣть такій об- „ разъ разсужденія и поступка въ „ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ...

„ Ино-

„ Иногда ищетъ онъ чрезъ сіи обра-
„ зы содѣлать впечатлѣніе въ на-
„ шемъ сердцѣ; онъ старается вну-
„ шить намъ любовь и почтеніе къ
„ добродѣтели, сострадание о слабо-
„ стяхъ человѣчества, глубокое пре-
„ зрѣніе къ величеству безъ заслугъ,
„ и омерзеніе къ бездѣльникамъ; то
„ есть, хочетъ научить насъ почи-
„ тать каждаго по достоинству.

Издатель исторіи Царей Ше-шіанскихъ даетъ здѣсь читателю нѣкоторый отчетъ о способѣ, коему онъ слѣдовалъ въ семъ сочиненіи. Онъ старается оправдать себя въ злоупотребленіи, которое бы уповательно произойти могло. Онъ почелъ сію предосторожность необходимою, поелику предвидитъ, что ни чистѣйшія намѣренія, ни попечительнѣйшая осторожность въ исполненіи своего способа не спасутъ его отъ злыя воли однихъ и незнанія другихъ.

Похвала, съ которою благороднѣйшая и просвѣщеннѣйшая часть его современниковъ удосто-

стоила почтить принятіемъ прежнихъ его трудовъ въ весьма разныхъ поляхъ Философіи и учености, вмѣсто того, что бы его возгордить, отворила ему болѣе еще глаза о несовершенствѣ его твореній. Онъ почитаетъ сіе снисхожденіе за ободреніе учинить свои сочиненія ужѐ дознанныя болѣе достойными всенародныя благосклонсти чрезъ точнѣйшее исправленіе. Сіе есть недвоезначущее приглашеніе, которое обязываетъ посвятить остатокъ жизни большею частію ужѐ протекшія на благороднѣйшія упражненія, къ которымъ онъ чаятельно способенъ. Онъ чувствуетъ можетъ быть сильнѣе своихъ несправедливѣйшихъ посмѣятелей, что нѣкоторые изъ его опытовъ въ родѣ комическаго и издѣвочнаго стихотворенія малымъ лучше игрушекъ. . . . хотя (что бы не быть менѣе справедливымъ противу самого себя, нежели есть лучшая публики часть) это игры Философическія Музы. Но не взирая на сіе, размышляетъ онъ съ старымъ своимъ другомъ Гораціемъ, что

Sa-

Sapere est abiectis utile nugis,
Et tempestivum pueris concedere ludum.

то есть.

Полезно мудрствовать оставя всѣ басни, и допускать дѣтей до благовременныя игры.

И хотя онъ можетъ сказать по истиннѣ, что главное ученіе всея его жизни было, verae numeros modosque discere vitae *(то есть, учиться правиламъ истинныя жизни). Справедливость потомства меньше предубѣжденнаго, и дай богъ, что бы оно умудрилось! заставляетъ его надѣяться, что оно сіи* numeros modosque *(т. е. правила) найдетъ и въ самыхъ комическихъ повѣстяхъ. Онъ совершенно увѣренъ, что должность его велитъ содѣлать изъ сего человѣческаго сердца познанія, которую гласъ общества на него налагаетъ, то употребленіе, которое по посредственности его проницанія есть свойственнѣе доставить блаженство человѣческому роду, нераздѣльное отъ истиннаго благополучія каждаго государства особенно.*

но. Въ сихъ разположеніяхъ онъ не усумнился издать въ свѣтъ исторію Царей Шешіанскихъ яко сокращеніе наиполезнѣйшихъ вещей, которымъ великіе и благородные люди обходительнаго государства могутъ научаться изъ исторіи человѣчества. Онъ не усматриваетъ въ семъ ничего противнаго свойству и должностямъ добраго гражданина, въ такомъ государствѣ, которое довольно благополучно имѣть хорошія правила и быть управляему, слѣдуя извѣстнымъ законамъ. На противъ того онъ увѣренъ, „что „книга сія защищаетъ дѣло Государей и дѣло народовъ съ равнымъ „благонамѣреніемъ и безпристрастностію. Она замыкаетъ въ себѣ „важныя истинны, отъ употребленія которыхъ зависитъ равномѣрно польза первыхъ и благо „другихъ; истинны, которыя по „тому, сколь онѣ ни стары, не „могутъ не быть довольно часто „повторяемы, и что ясно, что „онѣ весьма далеки отъ того, что „бы произвесть свое дѣйствіе. Книга сія говоритъ сразмѣрнымъ то-

„номъ

„ номъ ихъ достоинству и важности. Въ предложенiи сихъ истиннъ „ такое прилагаемо было вниманiе, „ что бы ни единъ честный человѣкъ, „ никакiй другъ человѣчества, какого „ бы состоянiя и званiя онъ ни „ былъ, не могъ въ ономъ какое „ либо сыскать оскорбленiе. „

Ничего нѣтъ меньше излишняго для великихъ людей, какъ дружественное зеркало, въ которомъ они, удалясь отъ шуму въ безмолвное уединенiе, напоминаютъ себѣ не только о своихъ преимуществахъ и похвальныхъ свойствахъ . . . о сихъ напоминаютъ весьма часто всѣ ихъ окружающiе . . . но и о всѣхъ своихъ слабостяхъ и недостаткахъ. Сочинитель увѣренъ будучи въ семъ кажется почитаетъ за пятно подозрѣнiе слабости, не осмѣливающiяся сказать жестокiя, но полезныя истинны, или презрѣнныя лести, хвалящей великаго по особеннымъ намѣренiямъ. Онъ бы заслужилъ чрезъ то, есть ли онъ способенъ къ таковымъ чувствованiямъ, не толь-

только презрѣніе потомства, но и истинное неблаговоленіе мудрыхъ и добродѣтельныхъ Государей, отъ коихъ свойства, правилъ и попеченій надѣемся мы блаженнѣйшихъ временъ. Онъ привелъ на память, съ какою вольностію Плиній вторый дерзнулъ писать явно при мудромъ и благотворительномъ правленіи Траяна, исторію временъ Клавдія и Нерона, и изобразить пороки сихъ мучителей и ихъ недостойныхъ любимцевъ. По сему онъ не колебался ни минуты сказать о Исфандіарѣ часть того худа, которое исторія говоритъ, и обязана говорить о толико многихъ государяхъ, жившихъ въ прошедшихъ столѣтіяхъ, не опасаясь оскорбить тѣмъ святость и величество ихъ сана.

Издатель имѣлъ важныя причины стараться достичь до своего общеполезнаго намѣренія больше чрезъ открытіе вымышленныя исторіи, нежели чрезъ лица и приключенія, которыя въ собственномъ смыслѣ сдѣлали бы изъ его

кни-

книги родъ новыя исторіи. Для сея самыя причины избралъ онъ такій родъ одѣянія, который сей книгѣ придаетъ нѣкакій привлекательный и увеселяющій видъ, коего бы онъ ей не могъ дать принявъ важнѣйшій тонъ. Онъ удерживается отдать публикѣ о сихъ причинахъ точный отчетъ, есть ли онѣ противу всякаго чаянія, не представятся сами собою глазамъ большія части читателей.

Впрочемъ взираетъ онъ на хорошій или худый успѣхъ сея книги съ спокойствіемъ такого человѣка, который довольно разсудилъ о цѣнѣ всего того, что смертный можетъ выиграть или проиграть въ семъ снѣ жизни, и который, съ того времени, какъ имѣетъ щастіе разсуждать, былъ проникнутъ удивительнымъ содержаніемъ сихъ златыхъ словъ, которыя Цицеронъ кладетъ въ уста великому Сципіону Африканскому говоря своему внуку: *Neque te sermonibus vulgi dederis, neque in praemiis humanis spem posueris rerum tuarum; suis te oportet illecebris ipsa virtus tra-*

trabat ad verum decus; quid de te alii loquantur, ipsi videant, то есть, не отдавайся народнымъ разговорамъ, ниже полагай надежду въ своихъ дѣлахъ на награжденія человѣковъ: надлежитъ, что бы добродѣтель своими собственными приманами влекла тебя къ истинной славѣ, а что о тебѣ станутъ говорить другіе, пусть сами разсмотрятъ.

ЦА-

ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ.

I.

Господинъ Данишемендъ, два слова, прежде нежели мы далѣе пойдемъ, сказалъ Султанъ. Есть ли это можетъ безъ нарушенія историческія истинны статься, что бы ты намъ послѣ сего Азора, который (между нами!) позволеніе быть слабымъ нѣсколько много злоупотребитъ, далъ намъ сего вечера добраго Государя, то бы ты оказалъ мнѣ немалое удовольствіе. Я довольно знаю, что исторія не должна ласкать Царямъ; и сіе для двухъ причинъ: во первыхъ, поелику и того довольно, что намъ ласкаютъ въ продолженіе нашея жизни;

ній; и потомъ, поелику истинна, которую говорятъ о насъ по смерти нашей, не можетъ болѣе насъ вредить, но можетъ напротивъ того служить потомству въ пользу. Однако я бы не желалъ, что бы думали, что я всякій вечеръ въ моей спальнѣ позволяю себѣ дѣлать сатиру на Султановъ Шешіанскихъ. Я помню, что я гдѣ то читалъ, что человѣкъ не долженъ почитать ничего касательнаго до другаго, для себя страннымъ; и я не вижу, для чего мы прочіе Султаны не должны находиться въ помянутомъ случаѣ. Однимъ словомъ, я вступаюсь за это, и сего я думаю, довольно.

Ваше Величество повелѣваете, что бы я пропустилъ Султана *Исфандіара*, спросилъ Данишемендъ?

Разумный вопросъ! отвѣчалъ Шах-Жебалъ. Однако мнѣ должно напередъ знать, кто былъ Султанъ Исфандіаръ, прежде нежели я могу на оный отвѣчать?

Онъ

Онъ былъ непосредственный наслѣдникъ Азора, единородный его сынъ отъ прекрасныя Алабанды и единый изъ Султановъ Шешіанскихъ, котораго правленіе уподобляется настоящей сатирѣ на дурныхъ Государей.

И такъ по этому онъ былъ еще хуже Азора?

Прошу извиненія, Ваше Величество. Азоръ въ самомъ дѣлѣ не былъ худый Государь; онъ былъ только слабъ. Исфандіаръ напротивъ того . . .

Хорошо, хорошо, перервалъ рѣчь его Султанъ. Станемъ имѣть съ нимъ всегда знакомство, хотя бы это было, поелику онъ былъ сынъ прекрасныя Алабанды, которую я, не взирая на все худое тобою намъ о ней сказанное, нахожу весьма любви достойною. Для сея самыя причины прошу тебя стараться, сколько тебѣ возможно, чтобы бѣдный Исфандіаръ не получилъ ни малѣйшаго зла, сколько можешъ.

Есть ли, сказалъ Данишемендъ, подъ именемъ *сатиры* разумѣется рѣчь или письмо, въ которомъ имѣется намѣреніе сдѣлать кого смѣшнымъ или ненавистнымъ: то сохрани Господи, что бы мнѣ когда нибудь пришло на мысль дѣлать сатиру на Государей, да ниже на самого Царя *Тонос-Конколеросъ*, или на кого изъ древнихъ Египетскихъ Фараоновъ! Но по нещастію бывали во всѣ времена между великими людьми такіе, *коихъ жизнь была сатирою на нихъ самихъ*, или такіе, которые чрезъ свои глупости сдѣлались презрѣнными, а чрезъ злоупотребленіе своея силы ненавистными, такъ что біографъ, которому поручено было писать ихъ исторію, ни малѣйшія вины не имѣлъ въ дѣлѣ. Я опасаюся, чтобы Султанъ Исфандіаръ не попался въ такій же случай, и по тому...

Что бы ни было, возопилъ Султанъ, продолжай; худо, которое ты намъ о немъ скажешъ, оста-

ставется между нами. Только помни, что я ненавижу безполезныя вступленія.

Ваше Величество, началъ Данишемендъ, Исфандіаръ, какъ я сказалъ, былъ одинъ сынъ у Азора, и самый младшій изъ многихъ другихъ, которыхъ онъ имѣлъ отъ разныхъ Султаншъ. Хотя его мать лишилась милости Царскія, однако онъ воспитанъ былъ при дворѣ, какъ обыкновенно тогда Принцы Шешіанскіе воспитываемы были.

Вотъ точно самое то, о чемъ мы желаемъ знать, сказалъ Шах-Жебалъ.

У него были самые искусные наставники во всѣхъ наукахъ и художествахъ приличныхъ Государю, какъ говорится обыкновенно. Онъ произвелъ свои успѣхи въ математикѣ до такого степени, что различалъ весьма ученымъ образомъ треугольникъ отъ квадрата. Въ доказательство географическаго его знанія, онъ зналъ имена рѣкъ,

озеръ, горъ, провинцій и городовъ Шешіанскихъ; и для показанія опыта искуства его въ философіи, онъ защищалъ твердо, будучи осьмнатцати лѣтъ, весьма глубокомысленное доказательство, что вещь, когда она пребываетъ, доколѣ такая, какая она есть, не можетъ въ то же время быть другою, нежели какая она есть. Учитель его въ политикѣ ни о чемъ болѣе не старался, какъ внушить ему пространнѣйшее познаніе о обширности и правахъ верховныя власти, и показать ему безчисленныя средства и пути, какимъ образомъ можно доставать себѣ имѣніе своихъ подданныхъ. Напротивъ учитель его въ нравственной философіи остерегался всячески, чтобъ не раздражить нѣжнаго слуха его напоминаніемъ сихъ непріятныхъ словъ, *должности*. Дабы научить своего ученика, что *правосудіе* и *благотворительство* суть первѣйшія добродѣтели Государя; онъ почиталъ за нѣчто превосходное

ное, когда затмѣвалъ великое сіе ученіе хитросплетенными словами, или побудительными примѣрами. Но рѣчь, какою онъ говорилъ о сихъ добродѣтеляхъ, несмысленное ласкательство, съ которымъ онъ поставлялъ въ число боговъ нѣкоторыхъ Государей за дѣйствія довольно двоезнаменательныя, долженствовали въ мысли его питомца произвести естественно дѣйствіе совсѣмъ противное. Младый Исфандіаръ о правосудіи и благотворительствѣ такое возымѣлъ понятіе, которое обратилось въ сущую погибель для блаженства будущихъ его подданныхъ. Онъ думалъ, что исполненіе сихъ добродѣтелей зависитъ единственно отъ его произволенія, и не представлялъ, что онѣ тогда только бываютъ добродѣтелями, когда неразлучно сопряжены между собою. Онъ не воображалъ, что неутомимое стараніе исполнять оныя во всякой части правленія, есть существенная должность Государей;

что тотъ, кто чрезъ пятьдесятъ лѣтъ будетъ упражняться въ оныхъ со всевозможнымъ совершенствомъ, при концѣ своея жизни не заслужитъ другія похвалы кромѣ сего засвидѣтельствованія, что исполнилъ свой долгъ. Наконецъ, придворный Манторъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что младому Государю должно такія представлять добродѣтели, отъ исполненія которыхъ зависитъ блаженство его подданныхъ и наивозможнѣйшее совершенство его государства, подъ видомъ *обязательствъ*, которыхъ требованія равно важны и ненарушимы, хотя ихъ производить отъ законовъ, данныхъ верьховнымъ существомъ аки Царемъ Царей, хотя выводить изъ договорнаго обществъ согласія, посилѣ котораго тотъ, кто многія, кажется, имѣетъ права̀, есть точно тотъ, который многія имѣетъ должности ко исполненію.

Не прерывая васъ, господинъ Докторъ, сказалъ Султанъ; мнѣ

ка-

кажется, что нравоучитель младаго Принца Исфандіара не совсѣмъ виноватъ въ томъ, что показывалъ ему подъ пріятною завѣсою то, что вы называете должностями Государя. Слово сіе *должность* жестоко; оно имѣетъ нѣчто въ себѣ отвратительнаго и для самыхъ подданныхъ; такъ какимъ образомъ можно намъ Государямъ привыкнуть охотно слышать оное? Добродѣтель тогда намъ покажется любезнѣйшею, когда склонность наша будетъ влечь къ оной добровольно, нежели какъ когда она силою требуема будетъ отъ насъ.

Прошу извинить Ваше Величество, отвѣчалъ чистосердечный и мало похожій на придворнаго Данишемендъ. Есть не столько опасное средство ко учиненію для насъ должностей нашихъ пріятными. Вмѣсто поощренія себя къ добродѣтели похвалами, перемѣняющими исполненіе нашея должности въ предметъ честолюбія и надменности, должно

луч-

лучше убѣждать себя, что исполненіе нашихъ должностей непосредственно сопряжено съ важнѣйшими выгодами и съ чистѣйшимъ удовольствіемъ. Не упоминая самыя славы, какъ неразлучнаго спутешественника добрыхъ дѣлъ. Но Государь весьма жалокъ бываетъ, когда сердце его недовольно нѣжно, чтобъ предпочитать вѣрность и любовь своего народа всѣмъ похваламъ, монументамъ, статуямъ, медалямъ и надписямъ, чрезъ которыя благодарность или ласкательство можетъ дѣла̀ его учинить безсмертными. Сколь мало истиннаго успокоенія все сіе принести ему можетъ? Сколь многократно сіи маловажные знаки преданности оказываемы были роскошно тираннамъ и безымяннымъ Государямъ?

Данишемендъ, Исфандіаръ невиноватъ, сказалъ ему Султанъ, который сего вечера былъ въ духѣ слушать безплодныя разсказыванія своего Философа. Нравоучитель его былъ, какъ видно, весьма изрядный

ный придворный, чтобЪ показать себя искуснымЪ нравоучителемЪ.

Между тѣмЪ, продолжалЪ ДанишемендЪ, учитель его исторіи былЪ гораздо еще хуже того, хотя безЪ прекословія былЪ наіученѣйшій изЪ всего государства вЪ своемЪ родѣ. Исторія была любимое упражненіе Принцово; и онЪ дѣйствительно показалЪ вЪ оной такіе успѣхи, которые во многихЪ случаяхЪ какЪ ему; такЪ и его учителю дѣлали честь. Сей получилЪ вЪ награжденіе чинЪ государева исторіописателя сЪ немалою пенсіею. МогЪ ли себѣ представить добросердечный СултанЪ АзорЪ, что бы человѣкЪ, котораго онЪ столь щедро наградилЪ, заслуживалЪ первое мѣсто на галерѣ? А сего нѣтЪ ничего извѣстнѣе.

Должность обучать исторіи младаго Государя, требуетЪ такого человѣка, который бы умѣлЪ сЪ чистосердечною честностію совокуплять глубокую прозорливость, нѣжность нравственныхЪ чувствій, и опи-

отмѣнную разборчивость. Всѣ сіи качества нужны для того историка, который наставляетъ Государя. Сего требуетъ оная безпристрастная правда, съ которою онъ долженъ начертавать свойства, цѣнить дѣла, и представлять оныя въ видѣ ихъ нравственномъ и политическомъ. Онъ долженъ (есть ли мнѣ позволено для лучшаго уразумѣнія употребить примѣры) признавать въ Александрѣ такого чрезвычайнаго человѣка, котораго натура произвела ко исполненію необычайно великихъ дѣлъ. Онъ изъ числа тѣхъ существъ, которыя какъ боги Гомеровы, средній составляютъ классъ между людьми и небесными существами, и которыя по тому же болѣе обыкновенныхъ людей какъ пороками своими, такъ и добродѣтелями. Онъ долженъ удовлетворять каждому изъ своихъ преимуществъ, и каждой изъ своихъ добродѣтелей, не щадя для сего пороковъ своихъ. Онъ долженъ имѣть способность

раз-

разпознать въ обширномъ планѣ сего благотворительнаго завоевателя совсѣмъ другій духъ, нежели какій подвигнулъ Аттилу къ опустошенію земли. Онъ не долженъ порочить человѣка, рожденнаго быть завоевателемъ свѣта, (*) *за благородную страсть къ творенію великихъ дѣлъ.* Сія страсть въ посредственномъ разумѣ была бы *честолюбіемъ*, а въ семъ мужѣ оная была врожденный возторгъ прямо геройскія души. Но нещастенъ онъ, есть ли не помышляетъ, что побѣда при Арбелѣ не иное что была, какъ то, что и прочіе двадцать Генераловъ Греческихъ столь же хорошо сдѣлать могли бы какъ и Александръ; но что тре-

(*) Какъ благоразумный человѣкъ есть естественно выше безумнаго, такъ и совершеннѣйшій мужъ имѣетъ врожденное право господствовать надъ другими. Это естественный законъ, сказалъ *Аристотель*, учитель самого величайшаго между Государями.

требовалась вышеестественная душа къ тому, дабы принять изъ рукъ перваго своего врача Филиппа смертоносную чашу, и выпить оную съ спокойнымъ и веселымъ лицемъ тогда, когда онъ ему въ то же самое время подалъ въ руки письмо, въ которомъ увѣдомляемъ онъ былъ, что Филиппъ подкупленъ обѣщаніями, которыя бы могли прельстить самого праведника, умертвить его ядомъ! Нещастенъ онъ, когда онъ не понимаетъ, что Александръ желая лучше сносить нестерпимую жажду, нежели лишить нѣкоторыхъ изъ своихъ солдатъ воды, которую они несли въ шлемахъ къ ослабѣвшимъ своимъ дѣтямъ, болѣ былъ великъ, нежели когда окруженъ множествомъ Царей и полководцевъ сидя на престолѣ Монарховъ Персидскихъ приникъ въ первый разъ на побѣжденную Асію; . . . . или когда не чувствуетъ, что побѣжденный *Дарій*, въ ту минуту, когда онъ, тронутъ будучи благородными поступ-

поступками своего побѣдителя къ супругѣ и дѣтямъ своимъ никого кромѣ Александра не объявилъ достойнымъ къ возшествію на престолъ Кировъ . . . болѣе былъ самого Александра ; . . . и что завоеватель Персіи , въ ту минуту , когда онъ , окруженъ будучи роскошнымъ великолѣпіемъ Царей ея , при входѣ во внутреннюю палатку Даріеву , сказалъ сіи слова : *вотъ что называю я быть Государемъ* ! оставя высокое титло полубога открылъ себя простымъ сыномъ земнымъ.

Не имѣя сея тонкости и сея горячести нравственнаго чувствія ученый мужъ, которому долженствовало историческимъ наставленіемъ учинить изъ младаго Исфандіара Царя, разсуждалъ о великихъ мужахъ и дѣйствіяхъ ихъ , не по лучшему правилу , но только по одному блеску , окружающему оныхъ. При всякомъ случаѣ, въ которомъ онъ не имѣлъ особенныя причины хвалить то , что надлежало было

охуждать и по его собственнымЪ положеніямЪ, онЪ рѣшилЪ по предразсужденіямЪ несвязнаго, сумазброднаго иногда чрезЪ мѣру напряженнаго, а иногда весьма ослабленнаго нравоученія, кЪ которому онЪ на подобіе машины привыкЪ вЪ училищахЪ БонзЪ. Всякій завоеватель казался ему героемЪ; и всякій щедрый Государь великодушенЪ предЪ его очами, всякій и слабый добрЪ. ОнЪ наипаче поставлялЪ себѣ за должность вперить вЪ воспитанника своего преимущественное мнѣніе о ГосударяхЪ его поколѣнія, хотя сіе почти завсегда случалось сЪ ущербомЪ истинны. ОнЪ начерталЪ все прекраснымЪ образомЪ; увеличивалЪ добрыя или сносныя ихЪ качества; онЪ прикрывалЪ ихЪ пороки самою густою тѣнію, и извинялЪ ложными тонкостями то, что невозможно было скрыть. ОднимЪ словомЪ, онЪ преподавалЪ исторію ихЪ такЪ, какЪ будто бы понятія о добрѣ и злѣ были самопроиз-

вольныя, есть ли оныя касаются великаго мужа; или какЪ бы Государева мантія волшебною силою могла превращать вЪ доброе качество всякій порокЪ, который оная покрываетЪ. Должно признаться (говаривалЪ онЪ обыкновенно о явномЪ тиранне или о роскошномЪ, погрузившемся вЪ распустную жизнь) что сей великій СултанЪ, вЪ нѣкоторыхЪ дѣйствіяхЪ своея жизни далѣе произвелЪ, нежели сколько желать долженствовало, строгость учинившуюся необходимою по обстоятельствамЪ его временЪ.

Не можно отрицать, говаривалЪ онЪ иногда, что бы его склонность кЪ веселостямЪ не всегда пребывала вЪ предѣлахЪ совершенныя умѣренности; но сіи слабости (примолвилЪ онЪ) награждаемы были многими хорошими качествами такЪ, что столько же бы несправедливо, сколь и мало почтительно было, при оныхЪ остонавливаться.

Ненужно было младому Государю быть столь хитру, каковЪ онЪ точно былЪ, дабы почерпнуть оттуда нѣкоторыя малыя положенія, уничтожившія совершенно малое добро, которое наставленіе его нравоучителя могло вперить вЪ его сердце. И такЪ онЪ заключалЪ, что пороки Государевы суть такій предметЪ, о которомЪ должно говорить сЪ почтеніемЪ; что Государь тѣмЪ менѣе имѣетЪ нужды чинить насильствіе худымЪ своимЪ склонностямЪ, что всегда состоитЪ вЪ его волѣ поправить добрыми своими дѣлами зло, которое онЪ учинить можетЪ; что тѣмЪ болѣе должно благодарить Султана, когда онЪ соизволяетЪ имѣть нѣкоторыя добрыя качества, ибо отЪ него же самого зависѣло только быть безвинно столько злымЪ, сколькобЪ онЪ хотѣлЪ, и пр. СЪ сихЪ или подобныхЪ сему положеній, которыя кажется слѣдовали изЪ превратнаго способа, сЪ какимЪ преподавали ему исторію,

мла-

младый Исфандіаръ не преминулъ для собственнаго своего употребленія снять тайное нравоученіе, тѣмъ болѣе опасное, что сердце его отъ природы нечувствительное не имѣло никакія склонности, которая бы могла содержать равновѣсіе между его своенравіемъ и его страстями.

Опасаюсь, (продолжалъ Данишемендъ) не причинилъ ли я описаніемъ воспитанія младаго Исфандіара скуки Султану моему Государю. Ибо я увѣренъ, что она по большой части причиною безпутствъ и пороковъ, дѣлающихъ примѣчанія достойнымъ государство сего злощастнаго Монарха.

А есть либъ это было такъ, сказалъ Шах-Жебалъ, то сколько бы Царскихъ сыновъ въ свѣтѣ долженствовали быть столь же худыми какъ твой Исфандіаръ! я увѣренъ, что едва изъ десятерыхъ выберется одинъ, который можетъ похвалиться лучшимъ воспитаніемъ.

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, предположивши сіе последнее такъ какъ дѣйствіе опыта, можно заключить, что особенное провидѣніе, строящее все на пользу людей, большему числу Государей даетъ хорошія расположенія. Не взирая на все то, что воспитаніе повреждаетъ въ нихъ, они еще всегда довольно хороши, для показанія намъ, сколько бы они могли сдѣлаться превосходными, есть ли бы отрасль совершенства разцвѣтала въ нихъ и приходила въ совершенную зрѣлость.

Есть ли это не насмѣшка, сказалъ Шах-Жебалъ, я тебя благодарю именемъ всѣхъ тѣхъ, которые могутъ что нибудь пріобрѣсть отъ сего учтиваго положенія.

Я чувствую довольно свою должность, отвѣчалъ Данишемендъ, нежели чтобъ иначе а не чистосердечно говорить о столь важномъ дѣлѣ. И я думаю, что ничто не можетъ быть столь сходно высокому понятію, какое мы должны имѣть о бла-

благости невидимаго правителя вселенныя, какъ помышлять, что онъ обыкновенно опредѣляетъ только изящнѣйшія души быть намѣстниками его въ разныхъ частяхъ свѣта.

Есть ли мнѣ дозволено открыть свое мнѣніе о такой важной вещи, сказала прекрасная Нурмагаль, то я думаю, что Данишемендъ никогда не говаривалъ сего достовѣрнѣе. Есть ли бы не такъ было, какъ онъ утверждаетъ, мнѣ бы показалось непонятнымъ, какимъ образомъ изъ двадцати Султановъ едва одинъ находится таковъ дуренъ, каковыми долженствовало быть всѣмъ прочимъ, когда разсуждаемъ, сколь великое дѣйствіе учинить могутъ въ сердцахъ людей обыкновенныхъ, родъ жизни, въ которомъ они воспитаны, (*) ложныя понятія, которыми они напаяются нечувствительно, старанія, употребляемыя для по-

(*) Удостойте припамятованіемъ, что дѣйствіе сея повѣсти производится въ Асіи.
Латинскій Переводчикъ.

повреждения разума и сердца их ласкательством, подлым раболепствием и хитрыми обманами.

Я не сумневаюсь, любезные мои друзья, сказал Султан, что это умышленное ваше в разсуждении меня ласкательство. По крайней мере употребленная в том ваша мысль похвальна. Но я не вижу, Данишеменд, что бы мог из сего получить дурный Исфандиар?

По истинне, отвечал Данишеменд, у него недоставало, как уже я упомянул, самого драгоценнаго, каким природа может наградить смертнаго, дара, хотяб она предопределила его к плугу, хотя бы произвела для ношения венца, то есть *чувствительныя души*. Наисовершеннейшее воспитание хотя не может совсем наградить сего недостатка; но как оно может вспомоцествовать к тому по крайней мере *несколько* (ибо для чего не можно поправить природу, когда можно оную испортить?) обя-

обязанные сею должностію тѣмъ болѣе виновны, естьли они небрегутъ о столь важномъ пунктѣ.

Вѣроятно, сказала Султанша, сіи люди грѣшили болѣе отъ незнанія, нежели отъ злости.

Я самъ не судилъ бы объ нихъ строжае сказалъ Данишемендъ, естьли бы не столь было извѣстно, что сіи Господа (хотя они скрывали подлинныя свои намѣренія подъ обыкновеннымъ видомъ человѣколюбія, любви къ отечеству и некорыстолюбія) не имѣли вообще яснѣйшаго намѣренія кромѣ сего, чтобъ *поздпигнуть спое щастіе.* Они надѣялись достичь онаго надежнѣе не опуская никакого случая, вкрасться безсовѣстнымъ ласкательствомъ въ сердце будущаго преемника престола.

Сколько бы между тѣмъ ни порочно было воспитаніе сего Государя, однако произшедшій изъ того вредъ не былъ бы невозвратнымъ, естьли бы онъ не имѣлъ нещастія

попасть въ руки нѣкотораго *Камфалу беззаконнаго по положеніямъ своимъ, но столь пріятнаго беззаконника*, какого никогда не видано. Я принужденъ буду, дабы подать надлежащее понятіе о свойствахъ сего человѣка, сдѣлать нѣкоторое отступленіе къ ученой исторіи того времени.

Жилъ въ тогдашнее время писатель именемъ *Кадоръ*, который отличалъ себя отъ многихъ нравоучителей своего времени нѣкоторымъ родомъ презрѣнія всего того, что было надуто и надменно въ чувствованіяхъ, понятіяхъ и нравахъ, и вообще примѣтнымъ отдаленіемъ отъ всѣхъ до ученія принадлежащихъ терминовъ и правилъ тѣхъ многихъ. Совсѣмъ сродно, чтобъ помянутые писатели тѣмъ менѣе были довольны онымъ несходствомъ, поколику публика между ихъ и его сочиненіями дѣлала такое различіе, которое для ихъ тщеславія не могло быть нечувстви-

тель-

тельнымъ. Именно сочиненія его читали съ такимъ удовольствіемъ, за которымъ всегда послѣдовала охота опять прочесть оныя; а ихъ напротивъ того служили обыкновенно только къ завертыванію его сочиненій. Имъ надлежало быть болѣе и менѣе обыкновенныхъ людей, чтобъ снести сіе безъ досады. Они не искали причины сего непріятнаго явленія въ худомъ качествѣ худо приготовленныя и несваримыя пищи, которую они представляли разуму своихъ современниковъ; они приписывали оную, такъ какъ сіе естественно, поврежденію человѣческаго сердца, которому Кадоръ ласкалъ, по мнѣнію ихъ, самымъ непозволенымъ образомъ. Ибо шуточный голосъ, какимъ онъ иногда говаривалъ о самыхъ важныхъ истиннахъ, и природная смѣлость, съ которою онъ снималъ личину съ лицемѣрія, и отворялъ очи ослѣпленію, были неложными для нихъ знаками, что онъ былъ тайный врагъ добродѣ-

тели.

тели. Въ самомъ дѣлѣ Кадоръ не имѣлъ о добродѣтеляхъ человѣческихъ такого хорошаго мнѣнія, какого желать имѣютъ причину тѣ, которые сами хотятъ почтены быть за образецъ. Онъ производилъ большую часть исполнительныхъ разсужденій и дѣяній человѣческихъ изъ механическихъ дѣйствій физическихъ причинъ, или тайныхъ обманчивостей воображенія и сердца. Чѣмъ болѣе побудительныя средства, по которымъ кто намѣревалъ поступать въ дѣлахъ своихъ, были отмѣннѣе, тѣмъ менѣе вѣрилъ онъ быть въ томъ честности и здравому состоянію его головы. Хотя онъ имѣлъ вообще весьма хорошее мнѣніе о естествѣ человѣческомъ; однако онъ утверждалъ, что во время нѣсколькихъ тысячь лѣтъ столь оное попорчено чрезъ непрерывное старанiе, которое прилагали къ тому, чтобъ вычистить, исправить и украсить его, что удобнѣе распознать въ разсѣченномъ образѣ величе-

чество божества изображеннаго прежде на ономЪ, нежели отыскать вЪ *каррикатурахЪ человѣческихЪ*, обращающихся предЪ нашими очами, первобытную доброту человѣчества. Однако по его мнѣнію, было еще всегда нѣкоторое число *изящныхЪ душЪ*, которыя (по щасливымЪ случаямЪ, или, какЪ онЪ склоннѣе былЪ думать, по тайнымЪ опредѣленіямЪ благотворительнаго божества) избавились, есть ли не совсѣмЪ, такЪ по крайней мѣрѣ сЪ малымЪ вредомЪ, такЪ что они еще гораздо сносны. ОнЪ обЪявилЪ себя ревностнымЪ любителемЪ сихЪ изящныхЪ душЪ; онЪ обЪ нихЪ только думалЪ сЪ похвалою; имЪ однимЪ приписывалЪ благородныя чувствованія; ихЪ однихЪ почиталЪ способными кЪ принесенію великихЪ жертвЪ добродѣтели. Что же до другихЪ, сЪ какимЪ бы ни описывали ихЪ искуствомЪ, пусть были бы они украшены ГотическимЪ образомЪ или обле-

облечены вЪ широкія и влекущіяся епанчи, словомЪ, какое бы стараніе ни прилагали для приведенія ихЪ вЪ почтеніе заимственными украшеніями и наружностію мудрости и добродѣтели, все сіе для него было ничто. Они *Пагоды*, говаривалЪ онЪ обыкновенно усмѣхаясь, которые хорошо дѣлаютЪ, что покрываются на подобіе КитайцевЪ широкими епанчами; рѣдкое платье учинило бы ихЪ безобразіе виднѣйшимЪ. КадорЪ могЪ бы избѣжать удобно вины, которую Пагоды его противники разгласили на него народу. Извѣстно, что лучшая часть свѣта не хотѣла убѣждена быть; но онЪ имѣлЪ сЪ своея стороны столько здравыхЪ умовЪ и изящныхЪ душЪ, сколько ихЪ щиталось тогда вЪ Шешіанѣ. Самые тѣ, которые не были согласны сЪ нимЪ во всемЪ, похваляли его намѣренія и средства, которыя онЪ употреблялЪ для исполненія оныхЪ, и признавали вЪ немЪ послѣдователя добродѣтели, и явнаго

дру-

друга роду человѣческому. Но по случаю имѣлъ онъ неудовольствіе видѣть нѣкоторыя положенія своего ученія во зло употребляемыми нѣкоторымъ родомъ тѣхъ людей, кои не имѣли нѣжныхъ чувствованій въ сердцѣ, и справедливости въ разсужденіи. Истинна столь близко граничитъ съ заблужденіемъ, что не многаго стоитъ, да бы удалиться отъ извитаго пути единыя въ пріятный лабиринтъ другаго. Сіи люди старались голосомъ согласоваться во всемъ съ помянутымъ писателемъ, кромѣ одного пункта. „Онъ справедливъ, говорили они, „покуда пребываетъ въ истинномъ „своемъ характерѣ, когда описы-„ваетъ слабость разума и страсти „человѣческія, и показываетъ смѣ-„шныя наши мечтанія о мудрости „и добродѣтели. Но онъ стано-„вится самъ внѣ себя, когда го-„воритъ о изящныхъ душахъ, о „прелестныхъ чувствіяхъ, о симпа-„тіи съ натурою, и о божествѣ

„до-

„ добродѣтели. Нѣтъ изящныхъ
„ душъ, которыябъ вѣрили въ доб-
„ родѣтель кромѣ одного глупаго.
„ То, что люди называютъ добро-
„ дѣтелію состоитъ, такъ какъ
„ монета въ нѣкоторыхъ земляхъ,
„ въ извѣстномъ числѣ опредѣлен-
„ ныхъ знаковъ, которые по обще-
„ му согласію учинились ходячими въ
„ торговлѣ, подъ извѣстнымъ на-
„ чертаніемъ и въ извѣстной цѣнѣ.
„ Внутренняя доброта въ оныхъ
„ считается за ничто. Что ка-
„ сается до основанія, столь же не-
„ великое есть различіе между без-
„ дѣльникомъ, котораго вѣшаютъ,
„ палачемъ, который вѣшаетъ, и
„ судіею, который приказываетъ его
„ повѣсить, какъ и между обходи-
„ тельнымъ Европейцемъ, надмен-
„ нымъ Персомъ, набожнымъ Армя-
„ ниномъ, учтивымъ Китайцемъ,
„ и грубымъ Камчадаломъ. Въ од-
„ номъ образѣ состоитъ все раз-
„ личіе. „

Лю-

Люди, мыслящіе такимЪ образомЪ, вскорѣ сыскали довольно единомысленниковЪ, кЪ составленію многолюдныя секты. Они назывались Философами; и всякій, кто не былЪ изЪ ихЪ сообщества, имѣлЪ вольность избирать себѣ имя *обманщика* или *сумазброда*. Ибо по ихЪ прáвиламЪ надлежало ему быть однимЪ изЪ двухЪ неотмѣнно. Честный КадорЪ включенЪ былЪ отЪ несмысленныхЪ людей вЪ число сихЪ самоназывавшихся ФилософовЪ, ибо они иногда говорили его языкомЪ, и казались вЪ нѣкоторыхЪ случаяхЪ дѣлающими то, что онЪ дѣлалЪ. Не можно или нежелательно было примѣтить, что совершенное было различіе между духомЪ оживотворяющимЪ его, и обладающимЪ оными Философами; намѣренія ихЪ совсѣмЪ противны были. Когда онЪ издѣвался надЪ сумазбродомЪ, и когда противорѣчилЪ ложнымЪ мудрецамЪ, обманщикамЪ, или лучше обманывавшимЪ самихЪ себя, мудро-

стію и добродѣтелію надымающимся, такимъ образомъ поступалъ въ семъ случаѣ, что благоразумные люди никакого не могли имѣть сомнѣнія, что онъ не былъ безпритворно привязанъ къ истиннѣ и добродѣтели. Напротивъ, когда *сіи* казались тоже дѣлающими, всякъ усматривалъ ясно, что ихъ намѣреніе клонилось къ тому, что бы учинить самую добродѣтель достойною смѣха, и уничтожить непремѣнное различіе, каковое имѣется между истинною и ложью, между правдою и неправдою. Безпокойство видѣть себя вмѣшавшагося въ сообщество людей, которыхъ онъ ненавидѣлъ, и опасность дѣлать зло по злости однихъ и незнанію другихъ, побудили его, не медля нимало, принять намѣреніе, достойное честнаго человѣка, находящагося въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ публично объявилъ себя поборникомъ добродѣтели, не взирая на порицаніе и укоризны, которыя ему должно

жно будетъ ожидать отъ сихъ двухъ родовъ людей. Стоя твердо во мнѣнiи своемъ, онъ не хотѣлъ допустить добродѣтели, которая не имѣетъ *изображенiя прекраснаго естества*, какъ вѣрнаго знака внутреннiя ея доброты. Сбылось то, что онъ предусматривалъ. „Показанные Философы и множество „нравоучителей равно имъ были не„довольны.„ Тѣ и другiе нашли въ сочиненiяхъ его столько причинъ, сколько имъ хотѣлось, дабы представить положенiя его и мнѣнiя въ ложномъ видѣ; и наконецъ усмотрѣно, что онъ при всемъ своемъ старанiи нимало не успѣлъ кромѣ того, что утвердилъ немногое число разумныхъ людей въ томъ мнѣнiи, *что слабость духа и повреждение сердца суть равно неизлѣчимыя болѣзни*. По истиннѣ, не невозможное дѣло учинить посредствомъ механики изъ толпы людей родъ. . . гораздо сносныхъ *животныхъ*. Но *мудрость и доброта пребудутъ всегда добро-*

польнымъ даромъ, который посылается отъ Бога однимъ душамъ изящнымъ.

Сіе, о чемъ ты намъ здѣсь разсказывалъ Данишемендъ, моглобы весьма хорошо служить въ другомъ мѣстѣ, сказалъ Султанъ. Кажется, ты позабылъ, что у насъ рѣчь была не о другѣ твоемъ Кадорѣ, но о Принцѣ Исфандіарѣ, и нѣкоторомъ бездѣльникѣ Камфалу, котораго ты хотѣлъ намъ показать какъ обманщика онаго младаго Государя.

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, выводите меня въ сію минуту изъ великаго замѣшательства. Я началъ было примѣчать, что я замѣшался; и неизвѣстно, какій бы мнѣ оборотъ надлежало взять, дабы возвратиться къ оной точкѣ, которую я нечувствительно изъ виду потерялъ. И такъ Камфалу, котораго вы мнѣ на память изволили привести, былъ изъ числа тѣхъ поврежденныхъ натурою юношей, которыхъ она награждаетъ

всѣ-

всѣми своими дарами въ случаяхъ ихъ расточенія, но которыхъ по причинѣ поспѣшности, позабыла снабдить одною вещію, безъ которыя всѣ прочіе ея дары не столько полезны, сколько опасны. Онъ былъ изряднаго вида, и сложеніе тѣла его казалось предвѣщало безсмертіе. Онъ имѣлъ въ превосходномъ степени все то, что можетъ обыкновенно привести молодаго человѣка въ любовь у прекраснаго пола и содержать въ непремѣнной у него милости. Онъ былъ проворенъ, горячь, предпріимчивъ, и никто лучше его не зналъ роду *разговора свойственнаго любовникамъ*, и всѣхъ хитростей прелести, чрезъ которыя обыкновенно красавицы попускаютъ себя быть обольщенными не зная или зная о томъ. Прелестный видъ его лица, неизчерпаемый разумъ, съ величайшею удобностію во многіе различные виды претворяющійся, и природное краснорѣчіе, одушевляемое иногда огнемъ желаній, дѣлали об-

хожденіе его вмѣстѣ наипріятнѣйшимъ и опаснѣйшимъ въ свѣтѣ. Не было ничего легче его положеній для владычицъ сердецъ нашихъ; но сіи положенія нещастнымъ образомъ для Государства Шешіанскаго составляли часть всеобщія системы нравственныхъ его понятій. *Эблисъ*, (такъ назывался сей *Камфалу*) котораго сердце не допускало, чтобъ былъ высочайшій родъ веселія, превосходящій чувственное успокоеніе и корыстолюбивое удовольствіе настоящія минуты . . . . Эблисъ составилъ себѣ систему, изъ которыя изключилъ истинну, добродѣтель, нѣжность, дружество, коротко, всякое высокое чувствованіе и всякія благородныя склонности. „Все ис-„тинно, говорилъ онъ, по тому „какъ мы о вещи разсуждаемъ. „Предметъ кажется намъ прекра-„снымъ или гнуснымъ, добрымъ „или худымъ отъ внутренняго на-„шего строенія и отъ того, какъ „мы оный разсматриваемъ въ

„из-

„ извѣстномъ положеніи вида. До-
„ бродѣтель есть средство употреб-
„ ляемое хитрыми людьми для
„ обольщенія другихъ возпрія-
„ тымъ видомъ правды, безпри-
„ страстія къ корыстолюбію, вели-
„ чества души, и для снисканія по-
„ чтенія. Она употребляетъ къ
„ тому нѣкоторую важную рѣчь,
„ величественные виды, и ухищрен-
„ ныя перемѣны, которыя при-
„ даетъ она нашимъ склонностямъ и
„ дѣйствіямъ, для достиженія цѣли
„ нашихъ страстей тѣмъ безопас-
„ нѣе, чѣмъ предосторожнѣе можемъ
„ мы ее утаивать отъ глазъ лю-
„ дей. Праздные или наемные пе-
„ данты привели въ порядокъ сіи рѣ-
„ чи и формулы учебнымъ обра-
„ зомъ. Слабыя головы по глупо-
„ сти своей приняли сіи *знаки* за
„ самую *вещь* и искали въ *пустотѣ*
„ сей сущаго тѣла. Во всякое вре-
„ мя видны были дураки старающіе-
„ ся вотще или на счетъ своего
„ разума показать въ поведеніяхъ

 „ сво-

„своихъ ту добродѣтель, о кото-
„рой прочїе довольствуются разго-
„варивать. Но надобно быть втрое
„глупѣе, чтобъ сооружать ща-
„стїе друга на счетъ своего соб-
„ственнаго; . . . . жертвовать буду-
„щему привидѣнїю тою минутою,
„которая одна въ нашей власти;...
„или желать жить для другихъ,
„когда можно принудить ихъ, чтобъ
„жили для насъ?„ Сїе въ ужасъ приводящее нравоученїе. . . .

Я опасаюсь, Данишемендъ, чтобъ сїе не было нравоученїе двухъ пятинъ моихъ Раїевъ, Омръ и Моллъ, сказалъ Султанъ.

Боже сохрани насъ отъ того, отвѣчалъ Данишемендъ. Но я увѣренъ, что есть ли бы сердце наше не дѣлало насъ лучшими, не взирая на нашу голову, то сїе бы было нравоученїе всея вселенныя.

Мнѣ кажется, сказала прекрасная Нурмагаль, ничто такъ не доказываетъ, сколько то справедливо, что однѣ изящныя души спо-

соб-

собны къ добродѣтели, *какъ тонъ*, какимъ Эблисъ говорилъ о семъ неизвѣстномъ для него божествѣ. „Надобно быть тому втрое глупѣе, который бы захотѣлъ дѣлать благополучнымъ друга своего „на счетъ самого себя.„ Такъ подлинно, Эблисъ! Надобно быть въ триста кратъ тому глупѣе. Но сего Эблисъ не вѣдаетъ.... ибо почему можно было ему то вѣдать?... что случай, который онъ полагаетъ, совсѣмъ невозможенъ. Другъ не можетъ ничего сдѣлать для своего друга *на собственный свой счетъ*; По тому что сей другъ есть одно съ нимъ. (*)

 Чего

(*) Смотри превосходный разговоръ о дружбѣ въ *les essais de Montagne*, к. I. гл. 27; а особливо тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о своемъ другѣ. На примѣръ: „ *En l'amitié, de quoi je parle,* „ *les ames se mêlent & se confondent l'une* „ *& l'autre d'un mélange si universel,* „ *qu'elles effacent & ne retrouvent plus la* „ су-

Что можетъ онъ болѣе получить для себя кромѣ щастія своего друга? Онъ отдалъ бы свою жизнь за него, и передъ самымъ часомъ пріятнаго сего жертвованія, онъ боль-

---

„ *cousture qui les a jointes. Si on me* „ *presse de dire pourquoi je l'aimais, je* „ *sens que cela ne se peut exprimer qu'en* „ *respondant: parce que c'étoit lui, parce que* „ *c'étoit moi.* „ То есть: Въ дружбѣ, о „ которой я говорю, души смѣшиваю„ся и сопрягаются одна съ дру„гою столь всеобщимъ смѣшеніемъ, „ что онѣ заглаживаютъ и не нахо„дятъ болѣе цѣпи ихъ соединив„шія. Есть ли меня принуждаютъ „ сказать, для чего я его любилъ, то „ я чувствую, что сего не можно выра„зить иначе, какъ отвѣчая: по тому „ что это онъ, по тому что это я, „ дружба есть одна *душа въ двухъ тѣлахъ*, говоритъ — не изступительный Платонъ, но основательный, глубокомысленный и хладнокровный Аристотель; изъ всего сказаннаго симъ великимъ мужемъ, не дѣлаетъ ничто кромѣ сего больше чести его сердцу.

большую бы ощутилъ сладость въ своей жизни, нежели чрезъ дватцать лѣтъ посвященныхъ себѣ одному.

Фантастка! . . . . . Поди поцѣлуй меня, сказалъ Султанъ. Дватцать два года жизни моея, препровожденныя въ Султанскомъ достоинствѣ не препятствуютъ ощущать мнѣ, что есть въ сей Фаантазіи нѣчто превосходящее все мое величество.

Обманчивыя положенія Эблисовы столь мало нашли сопротивленія въ сердцѣ младаго Исфандіара, что безъ всякаго труда могли овладѣть его головою. Эблисъ умѣлъ искусно скрывать то, что въ оныхъ содержится труднаго для каждаго сердца не совсѣмъ еще поврежденнаго, такъ, что Принцъ съ совершенною безопасностію отдался удовольствію освобождать, какъ онъ говаривалъ, духъ свой отъ предразсужденій, которыхъ иго должны носить одни рожденные къ послушанію.

Какъ

какЪ онЪ ощущалЪ сильную склонность кЪ поставленію своенравія своего за единственное правило своихЪ разсужденій и дѣйствій, то нашелЪ оную систему рѣшительною, которая подавала ему полную власть желать того, что онЪ могЪ сЪ того времени, какЪ онЪ вЪ состояніи былЪ сдѣлать то, что хотѣлЪ.

Нетерпѣливость видѣть между собою и границами стремительныхЪ своихЪ желаній толикое число лѣтЪ, которыя надобно еще жить Государю его отцу, такЪ возрастала день отЪ дня вЪ младомЪ Государѣ столь мало привыкшемЪ укрощать свои страсти, что сіе чувствіе стало наконецЪ явственнымЪ чрезЪ весьма видныя дѣйствія, такЪ что не могло сокровенно быть отЪ престарѣлаго Азора. Всѣ старанія, употребляемыя его любимцемЪ на то, чтобЪ уговорить его кЪ благоразумнѣйшему поведенію, были безполезны. ИсфандіарЪ хулилЪ всѣ поступки придворные, онЪ говорилЪ сЪ

весь-

весьма малою осторожностію о слабостяхъ своего отца, и обходился съ прекрасною Гулназою такъ, какъ будто бы онъ подрядился припамятовывать ей каждую минуту о томъ, что она была Персидскою танцовщицею.

Азоръ сносилъ сію наглость съ снисхожденіемъ, походившимъ на слабость, дабы привести Принца къ своей должности; да и по истиннѣ, строжайшій поступокъ не послужилъ бы ему ни къ чему, кромѣ что заставилъ бы его съ большею досадою чувствовать умаленіе своея власти, и слабость правленія клонящагося къ своему концу. Правленіе его столь ненавистно было, что наслѣдникъ его учинился идоломъ у народа, по тому что сей Государь явно злословилъ его. Дворъ сего послѣдняго умножался очевидно; и наконецъ говорили столь громко о надобности сложенія съ престарѣлаго Государя бремени, которое удобнѣе понести могутъ младшія рамена,

на, что Исфандіаръ не отложилъ бы вѣроятно воспользоваться сими мыслями народа къ совершенію своихъ желаній, есть ли бы кончина Государева не отвела его по крайней мѣрѣ отъ сего послѣдняго степени его злодѣйства.

Никогда ожиданіе народное не было столь жестокимъ образомъ обмануто, какъ въ тотъ день, въ который Исфандіаръ возшелъ на престолъ Шешіанскій. Но такъ же какія имѣли причины Шешіанцы ожидать болѣе отъ него, нежели отъ отца его? Изъ толикаго числа Государей обязующихся священнѣйшею клятвою жить единственно для благополучія своихъ народовъ, много ли такихъ, которые бы помнили о семъ обѣтѣ, какъ въ первый разъ испіютъ изъ чаши растворенныя произвольною властію? Государи Шешіанскіе не были обязаны чинить никакія клятвы. Народъ клялся имъ неограниченнымъ повиновеніемъ, а они позволяли въ день коронаціи

сво-

своея, самымЪ подлымЪ изЪ своихЪ подданныхЪ. . . цѣловать край своея порфиры. Какія ожиданія можетЪ основывать народЪ на такой милости?

Прежде вступленія своего на престолЪ АзорЪ привлекЪ кЪ себѣ всѣхЪ сердца ласковостію и милостію. Подданные ожидали отЪ него златаго вѣка, однако вЪ томЪ обманулись.

ИсфандіарЪ не менѣе чинилЪ себѣ насильствія, для сокрытія сильныя горячности, нечувствительности и непостоянства своея природы. Никто не могЪ видѣть на немЪ ни единыя черты, означающія великую душу и благотворительное сердце. Но уже скучно стало подданнымЪ долговременное царствованіе его отца учинившагося ненавистнымЪ; ИсфандіарЪ явно открылЪ себя первымЪ изЪ недовольныхЪ; лучшаго надѣялись правленія отЪ него, который казалось, столь живо тронутЪ былЪ пороками прежняго правле-

вленія, и который имѣлъ столько случаевъ учиниться мудрымъ чрезъ проступки другихъ. Однако весьма обманулись. Исфандіаръ тоже бы неудовольствіе показалъ, хотя бы Азоръ былъ наилучшій изъ Государей.

Первый опытъ, показанный новымъ Султаномъ, что намѣреніе его клонилось управлять безъ *положеній*, была перемѣна, учиненная имъ при дворѣ и въ министерствѣ.

Въ послѣднія лѣта правленія Азорова крайняя нужда принудила положить границы излишнимъ расходамъ при дворѣ, и вручать важнѣйшія Государственныя должности нѣкоторымъ особамъ испытанныя честности и величайшія прозорливости. Поздно сіе учинено для блаженства Государства Шешіанскаго; но довольно еще рано для предупрежденія большихъ золъ. Мудростію и неутомимымъ тщаніемъ сихъ почтенныхъ стариковъ Государственная эконо-

экономія приведена была вЪлучшій порядокЪ, и народЪ безЪ ущерба короны былЪ знатно облегченЪ. ИсфандіарЪ сіи два предмета по видимому щиталЪ между злоупотребленіями; ибо онЪ ввелЪ при дворѢ великолѢпіе, каковаго не было вЪ самыя пышныя Азоровы времена; и изЪ всѢхЪ придворныхЪ бывшихЪ при его отцѢ, одни только тѢ, которыхЪ бы ему надлежало златомЪ купить, были отставлены. Они принуждены были уступить мѢсто человѢку хитрому, пришедшему вЪ милость у Государя чрезЪ предложеніе, по которому Шешіанцы должны платить *пошлину съ воздуха, которымъ дышутъ*, посредствомЪ новоизобрѢтеннаго наименованія.

Едва только ИсфандіарЪ вкусилЪ чрезЪ нѢсколько мѢсяцевЪ удовольствіе дѢлать то, что ему было угодно, какЪ началЪ предаваться своенравію сЪ такою безпечностію, которая не взирая на веселіе, коимЪ старался прикрывать оное, была предЪ очами благоразумія соблазнитель-

нѣйшимъ мучительствомъ, по тому что она доказывала, что онъ могъ чинить самыя глупыя дѣла съ хладнокровіемъ и при полномъ употребленіи всѣхъ своихъ чувствъ.

Онъ почиталъ за весьма великое дѣло, то, что не имѣлъ, какъ его отецъ, явныя любимицы. Но вмѣсто того, онъ содержалъ великое число собакъ, лошадей и соколовъ; онъ разточалъ безсмѣтную сумму на картины, не имѣя никакого въ художествахъ вкуса; награждалъ безмѣрно всѣхъ чудодѣевъ и бродягъ, приходившихъ во дворецъ его подъ именемъ рѣдкихъ умовъ, виртуозовъ и главныхъ мастеровъ, ибо, какъ они говорили, одинъ только величайшій Государь достоинъ имѣть у себя такія какъ ихъ дарованія и рѣдкости.

Хотя точно не имѣлъ онъ особливыя господствующія страсти, однако имѣлъ всѣ поперемѣнно, и каждую особенно съ тѣмъ большею жес-

жестокостію, что онъ предвидѣлъ, что одна уступитъ мѣсто другой. И такъ нещастливое государство Шешіанское мало получило отъ сея мгновенныя умѣренности. Основаніе сея мнимыя добродѣтели состояло болѣе въ его неспособности любить, нежели въ его мудрости. Она ему не препятствовала, когда ему приходило на мысль подарить Китайской шутихѣ, забавлявшей его четверть часа, доходы съ цѣлыя провинціи.

Сія отмѣнность, бывшая правиломъ его вкуса правила имъ и тогда, когда надобно было произвесть въ важную должность въ государствѣ или при дворѣ. Въ одинъ разъ сдѣлалъ онъ своего пирожника главнымъ *Колао*; въ другій пожаловалъ бритовщика въ Капитаны гвардіи. Государственный Канцлеръ былъ отрѣшенъ за то, что худый былъ танцовщикъ, и нѣкоторый площадный врачь посредствомъ новоизобрѣтенныя отъ себя помады пожалованъ на мѣсто верь-

ховнаго казначея, осмѣлившагося предложить его Величеству, что десять тысячь унцій серебра были очень великое награжденіе за изобрѣтеніе новыя помады. Никто изъ его слугъ не могъ положиться на его милость ни на одинъ послѣдующій часъ; и что при томъ хуже всего, что можно было лишиться оныя равно исполняя свою должность, какъ и дѣлая худо. Одинъ Эблисъ зналъ тайну учинить себя ему нужнымъ, и управлять при дворцѣ и во всемъ государствѣ столь же самодержавнымъ образомъ какъ и самый Султанъ безъ всякаго другаго титла кромѣ его временщика. Можетъ быть я несправедливо назвалъ тайною способъ, который онъ употреблялъ; ибо въ самой вещи ничего не было простѣе. Оная состояла въ искуствѣ приноравливать себя ко всякимъ своенравіямъ Государя, дозволять ему дѣлать все, что онъ ни хотѣлъ и доставлять ему средства къ исполненію

всѣхъ

всѣхъ предпріятий, сколько бы оныя ни сумазбродны были.

Послѣднее не столь удобно, какъ ты себѣ воображаешъ, сказалъ Султанъ.

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, предположивши нача́ла и способъ поступковъ любимца ничто не могло быть удобнѣе. По его мнѣнію, Султанъ имѣлъ право отнимать у своихъ подданныхъ, покуда оставалось что у нихъ брать.

„ И когда у нихъ не было боль-
„ ше ничего? „

По его разужденію, не должно было еще скоро опасаться сего нещастія. Голодъ и желаніе достигнуть такого состоянія, въ которомъ бы они могли жить безъ всякаго дѣла, научатъ ихъ скоро трудиться, говаривалъ онъ обыкновенно; а какъ будутъ они трудиться, то и можно будетъ у нихъ брать.

„ И такъ оный Эблисъ не опа-
„ сался видно дѣйствій унынія? „

Зло происходило отъ того, что онъ научилъ Султана такой Философіи, которая дѣлала презрѣннымъ въ очахъ его человѣческое естество. Онъ почиталъ людей за нѣкоторый родъ животныхъ, отъ которыхъ можно болѣе получить пользы, нежели отъ другихъ. По его мнѣнію, самая главная тайна умѣть царствовать, состоитъ въ знаніи учинять оную вмѣстѣ наиполезнѣйшею и наименѣе вредительною, сколько возможно. Можно бы допустить ему сіе положеніе, есть ли бы онъ предположилъ, что польза Государя и общества завсегда соединены. Но сего онъ не допускалъ.

Человѣкъ, говаривалъ Эблисъ, составленъ изъ двухъ коренныхъ склонностей, противныхъ между собою, которыхъ совокупное дѣйствіе дѣлаетъ его такимъ, каковъ онъ есть; любовь къ праздности и любовь къ веселію. Безъ сея послѣдния, вторая склонность содержала бы его непрестанно въ непреодолй-

димомъ недѣйствіи; но чѣмъ больше имѣетъ онъ отвращеніе къ зависимости и трудамъ, тѣмъ болѣе склоненъ бываетъ къ веселостямъ. Для совокупленія сихъ двухъ склонностей, *состояніе независимости, въ которой можно ему наслаждаться*, безъ наималѣйшаго *труда всѣми возможными веселостями*, есть послѣдняя цѣль его желаній. Онъ не почитаетъ никакого благополучія выше сего. Отъ сего то происходитъ оное непреоборимое желаніе самодержавія, которое врожденно нещастнѣйшему изъ смертныхъ, такъ какъ и наслѣднику величайшаго Монарха. Нѣтъ ни единаго человѣка во всемъ государствѣ Шешіанскомъ, который бы не желалъ, что бы другіе всѣ были заняты единственно его удовольствіемъ. Но натура дѣлаетъ, что одинъ только можетъ достигнуть сего щастія; прочіе всѣ осуждены самою необходимостію трудиться во всю свою жизнь для пріобрѣтенія се-

 го

го послѣдняго желанія смертныхъ; и при томъ самое щастіе приближаться къ тому, немногимъ только достается. И такъ, что должно дѣлать тому Государю, который сидя на престолѣ, и имѣя на челѣ діадиму, вознесенъ на верьхъ величества, и не видитъ никакого вышшаго мѣста, кудабъ могъ еще взойти? Надлежитъ ли ему въ нѣдрѣ веселостей попускать себѣ смущаему быть глупымъ сожалѣніемъ о стенящей толпѣ, которая, наполнена будучи безпокойными желаніями, ищетъ свободиться отъ уничиженія, и которая кидая завистные взоры на недозволенное благополучіе, при всякомъ шагѣ, который дѣлаетъ по сей поползновенной стези, подвержена опасности низринуться въ нижшее мѣсто, нежели изъ какого покушалась итти, отъ тѣсноты соперниковъ, или чрезъ собственное свое стремленіе? Надобно ли ему быть столь вѣжливу, чтобъ уступить свое мѣсто одному изъ

тѣхъ?

тѣхъ? По истиннѣ! Они должны смотрѣть, какимъ образомъ могутъ достичь до высоты; сіе ихъ дѣло. Его должность употреблять, какъ они медленно ползутъ къ нему, ихъ руки для собранія предъ престоломъ своимъ всѣхъ благъ и веселостей. Когда въ дѣйствительное наслажденіе всемъ тѣмъ, чего другіе желаютъ, можетъ ему случиться какое безпокойство, единственно отъ того, что бы возпрепятствовать, дабы никто изъ оныя заботливыя толпы не возшелъ на довольную высоту для низверженія его самого. Нѣтъ ничего опаснѣе для сего единственнаго человѣка, какъ есть ли толпа лишится всея надежды достигнуть лучшаго состоянія. Сія надежда есть истинная душа государства; съ нею изсыхаютъ источники политическія жизни; общая праздность на подобіе тишины передъ бурею, предвѣщаетъ ужасныя дѣйствія отчаянія, которыя низпровергли столько престоловъ въ Асіи. Но

нѣтъ ничего удобнѣе какъ предупредить сіе зло. Имѣется столько степеней среднихъ между ремесленникомъ и Государемъ; и каждая изъ сихъ вышшихъ степеней столь подвержена зависти занимающаго нижшее мѣсто, что довольно нѣкоторыхъ примѣровъ оживотворяющихъ день отъ дня надежду достигнуть до самыхъ вышшихъ, дабы содержать государство въ томъ упражненіи, чрезъ которое всѣ онаго члены, почитая, что единственно для себя самихъ трудятся, дѣлаются полезными благополучному Государю.

Не можно сумнѣваться, что нѣтъ ничего неосновательнѣе, какъ сіи замысловатыя заключенія Эбликовы. Утвержденіе государства состоитъ въ томъ, чтобы нижшіе чины были довольны своимъ жребіемъ; и паденіе онаго безсомнительно, какъ скоро земледѣлецъ имѣетъ причину завидовать празднымъ рабамъ большаго господина.

Положенія остроумнаго Эблиса содержали въ себѣ при большіе недостатка. Они имѣли столькожъ мало связи между собою, сколь худо сходствовали съ опытомъ; можно было всякій разъ опровергнуть оныя не не имѣвъ причинъ къ оправданію сихъ изъятій. Но оные ласкали страстямъ Государя, который не зналъ и не хотѣлъ знать другихъ пра́вилъ кромѣ своего своенравія. Исфандіаръ не нашелъ ничего твержe умствованій своего любимца.

Не возможно было быть менѣе расположену къ состраданію, какъ сей Султанъ. Наималѣйшее безпокойство приключившееся ему, приводило его въ крайнюю нетерпѣливость; но страданіе другихъ не находило никакого доступу къ его сердцу. И такъ излишне было стараться учинить такого Государя нечувственнымъ *положеніями*; однако же Эблисъ ни о чемъ такъ не пекся, какъ показывать ему при всякихъ случаяхъ его подданныхъ въ самомъ дурномъ видѣ.

На-

Народъ, говаривалъ Эблисъ Султану своему Государю, есть многоглавое животное, которое укротить можно только гладомъ и ударами. Безумное бы было дѣло стараться о снисканiи его любви *благодѣянiями*. Тысяча примѣровъ слабыхъ Государей, учинившихся жертвою снисходительнаго свойства своего, неоспоримо доказываютъ сiю истинну. Народъ почитаетъ такъ какъ за долгъ всякое благо учиненное себѣ; онъ ожидаетъ всегда вящшаго, нежели дѣлается къ его благополучiю; и какъ скоро увидитъ себя обманутымъ въ сей несмысленной надеждѣ, то считаетъ себя свободнымъ отъ всякiя благодарности. Онъ съ досадоюноситъ узы зависимости; непостояненъ въ своихъ склонностяхъ, своенравенъ въ мысляхъ своихъ и всегда недоволенъ настоящимъ, желаетъ новаго; нещастiя удручающiя его начальниковъ, суть для него радостныя приключенiя; и хотя въ общественныхъ

напа-

напастяхъ наиболѣе самъ претерпѣваетъ, однако усердно желаетъ общаго нещастія, дабы имѣть случай роптать и несносно порицать вышшихъ. Хотя бы самое божество сошло съ небесъ управлять людьми, не избавилось бы и оно отъ порицанія. Самый послѣдній изъ нихъ считаетъ себя довольно способнымъ править цѣлымъ свѣтомъ, а именно для того, понеже народъ ничего не знаетъ; онъ почитаетъ себя знающимъ лучше, нежели его главные. По чему тщетно бы было захотѣть стараться о благополучіи сихъ ненасытныхъ животныхъ; надобно, для удовольствія ихъ, возмочь сдѣлать каждаго изъ нихъ Султаномъ; они остаются недовольными покуда есть имъ чтонибудь желать. Нѣтъ ничего опаснѣе какъ познакомить ихъ съ изобиліемъ и веселостями; не столько опасно разбудить спящаго льва, какъ возбудить мысли сихъ людей. Желать связать ихъ шелковыми лѣнтами или цвѣ-

цвѣточными цѣпями равно, какъ бы желать остановить гіену паутиною. Одна жестокая нужда и отчаяніе возмочь разорвать нѣкогда узы ихъ, сильны содержать оный въ своихъ границахъ, и подобно другимъ свирѣпымъ звѣрямъ, они должны быть укрощаемы; и дабы научить ихъ терпѣть начальника, надобно чтобъ они всегда видѣли палку, готовую бить ихъ по плечамъ.

Данишемендъ, сказалъ Султанъ; я признаю́сь, что изображеніе, которое намъ Эблисъ дѣлаетъ о народѣ есть нелестное; но содержащее въ себѣ истинну. Я съ соболѣзнованіемъ помышляю о слѣдствіяхъ, какія оттуда можно вывесть; и между тѣмъ опасно, какъ говоритъ Эблисъ, желать ложное мечтаніе дѣлать самому себѣ въ толь важномъ дѣлѣ.

Ваше Величество, отвѣчалъ философъ, я не знаю, не препятство- вало ли мнѣ мое добросердечіе разсмотрѣть человѣка такъ, каковъ

онъ

онъ есть, съ двантцати пяти лѣтъ, какъ я его разсматриваю. Можетъ удобно быть много розоваго цвѣту въ моемъ воображеніи. Но, какъ бы то ни было, мнѣ не возможно преодолѣть себя почитать людей столько злыми, какими показываются они въ теоріи Эблисовой. Есть ли онъ полагается на опытъ, не менѣе и я утверждаюся на ономъ. Не знаемъ ли мы малыхъ народовъ, живущихъ благополучно въ нѣдрѣ свободы, простоты и умѣренности? Есть ли мы сравнимъ сіи народы съ тѣми, которые страждутъ подъ бременемъ самопроизвольныя власти и жестокаго правленія, съ перваго взору примѣтимъ великое между ими различіе. Первые кажутся намъ здоровыми, довольными и веселыми: жилища ихъ непространны и невеликолѣпны; но въ оныхъ обитаютъ благополучные жители: самая бѣдная хижина походитъ на обиталище людей, а не на прибѣжище дикихъ звѣрей. Хотя они худо одѣ-

ты,

ты, однако безопасны отъ хлада и дождя. Пища у нихъ простая; только нетрудно усмотрѣть по вечеру, что они въ день насытились. А другіе влекутся потупя голову, такъ какъ живыя изображенія бѣдности. Впадшіе ихъ глаза̀ кидаютъ печальные взоры на землю, которую они обязаны воздѣлывать, но ни для себя ни для чадъ своихъ. Вездѣ съ оскорбленными нашими очами встрѣчаются тѣла̀ немощныя, сухія и истощенныя гладомъ . . . ли́ца задумчивыя, унылыя и снѣденныя печалію; . . . видя мы насилу влекущихся стариковъ, которые въ награжденіе за многотрудное пятидесятилѣтнее рабство принуждены исторгать изъ рукъ жалкихъ прохожихъ нѣсколько хлѣба, который истощавшій отъ нужды желудокъ ихъ понести еще можетъ; . . . усматриваемъ дѣтей ихъ оставленныхъ нагихъ, безобразныхъ, грудныхъ младенцевъ плачущихъ, которые стараются послѣднюю каплю крови изъ

изъ истощенныя груди гладныя матери исторгнуть. Согнившія въ половину рубища, которыя висятъ съ иссохшихъ поясницъ сихъ бѣдныхъ, показываютъ по крайней мѣрѣ, что они желали бы прикрыть свою наготу; но кто можетъ ихъ защитить отъ зноя солнечнаго, отъ вѣтра, отъ дождя и хлада? бѣдныя ихъ хижины слепленныя изъ грязи и соломы подвержены всякому свирѣпству стихій. Въ оныя влекутся утрудившись, когда захожденіе солнца отторгаетъ ихъ отъ дневнаго труда, который они исправляютъ для безчеловѣчныхъ начальниковъ, и щасливыми еще почитаютъ себя, когда они находятъ столько такого *хлѣба, который почли бы господа̀ ихъ негоднымъ и для своихъ псовъ*, сколько имъ потребно для утоленія глада, и чтобъ имъ лежа на постелѣ изъ согнившія соломы не призывать вотще послѣдняго утѣшенія злощастныхъ!

О какъ ты изображаешъ, Данишемендъ! сказалъ Султанъ, стараясь утаить, сколько онъ былъ симъ подвигнутъ. Кленусь тебѣ главою пророка, что прежде полномѣсячія хочу я узнать, есть ли такіе нещастные во всемъ пространномъ моемъ государствѣ; и горе тому рабу, которому я поручилъ попеченіе о моихъ подданныхъ, есть ли хотя одинъ образецъ сея печальныя картины найдется въ его правленіи! Я говорю не вотще; и въ доказательство сего тебѣ самому поручаю Данишемендъ важное сіе изслѣдованіе. Завтра послѣ первыя молитвы я буду тебя ждать въ моемъ покоѣ для переговоренія о семъ дѣлѣ пространнѣе.

Дабы не весьма удалиться намъ отъ своего предмета, оставляемъ благоразумію читателя вообразить то, что мудрый и добродѣтельный Данишемендъ могъ сказать Султану для принесенія ему усерднѣйшія благодарности въ лицѣ всѣхъ тѣхъ,

до

до которыхъ касалось сіе разгорячение Монаршаго его сердца.

Изрядно, сказалъ Шах-Жебалъ, котораго горячесть мало по малу во время приносимаго ему отъ Философа благодаренія охладѣла: ты знаешъ мое произволеніе; завтра спустя часъ послѣ восходу солнечнаго, Данишемендъ! А теперь хочу я еще послушать продолженія твоихъ возраженій противъ теоріи любимца Эблиса. Посмотримъ, какъ ты совершишъ сіе дѣло.

Я утверждаю, продолжалъ въ своемъ предложеніи Данишемендъ, что опытъ, на который ссылается Эблисъ для оправданія ужасныя своея картины о злости народа, по крайней мѣрѣ столькожъ силенъ для моего мнѣнія, какъ и для его. Для сего то я представлю тотчасъ сравненіе между народомъ, жившимъ благополучно подъ правленіемъ свободнымъ и кроткимъ, и между тѣмъ, который бываетъ игралищемъ тиранна, каковъ Исфан-

діарЪ при помощи любимца такого, какЪ Эблисъ, чего можно ожидать отЪ совокупленія жестокихЪ положеній сЪ нечувственною природою. Есть ли имѣющееся между благополучіемЪ перваго и бѣдностію другаго сраженіе сЪ перваго виду мечется вЪ глаза; то не менѣе посредствомЪ прилѣжнаго вниманія усмотримЪ разности между *нравственными* оныхЪ *свойствами*. Благополучный народЪ доволенЪ своимЪ состояніемЪ; онЪ привыкаетЪ кЪ оному сЪ радостію, и готовЪ вѣрить, что нѣтЪ для него лучшаго. ОнЪ прославляетЪ добраго Государя, подЪ законами котораго наслаждается онЪ вЪ тихой безопасности плодомЪ своихЪ трудовЪ и своея умѣренности. Не желая вовсе перемѣны, онЪ готовЪ напротивЪ того жертвовать своимЪ добромЪ и жизнію всякую минуту за дѣйствительное правленіе и отечество, вЪ которомЪ онЪ щастливЪ, или за Государя, который есть общій отецЪ всѣхЪ своихЪ подан-

данныхъ. Угнѣтенный народъ, походитъ много, признаюсь, на невѣрное изображеніе, какое сдѣлалъ Эблисъ о народѣ вообще. Но какъ сему можно быть иначе? Въ существахъ, чувствующихъ природное свое равенство съ утѣснителями своими, возстаетъ человѣчество противъ утѣсненія, котораго одинъ взоръ возбуждаетъ къ мщенію всѣ законы естества, вѣры и гражданскія жизни? Должно ли удивляться, когда сравненіе бѣдности ихъ съ роскошною и суровою гордостію ихъ Государей дѣлаетъ ихъ неистовыми? Или чего другаго можно ожидать, кромѣ какъ что закоренѣлое тиранство, нечувствительность къ общему благу, самая окаменѣлая холодность при взорѣ общія опасности, умножаемыя явно всѣми ужасными расточеніями, приведутъ наконецъ въ отчаяніе народъ, котораго терпѣніе истощилось?

Народъ, говорилъ Эблисъ, беспутенъ въ своихъ страстяхъ, не-

благодаренЪ за оказанныя себѣ благодѣянія, устремителенЪ и ненасытенЪ вЪ желаніяхЪ своихЪ; завидливЪ преимуществамЪ своихЪ вышшихЪ, склоненЪ кЪ злословію всѣхЪ ихЪ дѣлЪ, цѣнящій несправедливо ихЪ добродѣтели, порицающій безЪ правды ихЪ недостатки; онЪ ихЪ почитаетЪ за самыхЪ жестокихЪ себѣ непріятелей, и радуется всему тому, что можетЪ ихЪ опечалить и унизить, такЪ какЪ наизабавнѣйшему зрѣлищу . . . Но кто дерзнетЪ несмысленно утверждать, что люди естественно столь злобныя творенія? Кто ихЪ сдѣлалЪ такими? Какое должно чинить насильствіе человѣчеству, какихЪ свирѣпствЪ и какихЪ продолжительныхЪ озлобленій должно было оному претерпѣвать до тѣхЪ порЪ, покуда оное могло учиниться такимЪ, какимЪ ЭблисЪ описываетЪ его? Не сущая ли то неправда, наказывать людей за то, что они развращенныя творенія, чему они са-

сами причиною? Мнѣ кажется, что утѣснители человѣчества не имѣютъ никакія причины жаловаться. Непонятное терпѣніе, съ которымъ многая часть народовъ земнаго шара во всякое время допускала себя во зло употреблять малому числу Исфандіаровъ и Эблисовъ, есть наитвердѣйшее доказательство природныя тихости человѣческаго естества. Когда мы слышимъ о возмущеніяхъ, междоусобныхъ бранѣхъ и насильственныхъ государственныхъ перемѣнахъ, то мы можемъ всегда съ великою вѣроятностію думать, что несносныя угнѣтенія подали къ тому поводъ.

Не завсегда, любезный Данишмендъ, перервалъ рѣчь его Султанъ. Ревность твоя къ пользѣ народной заставляетъ тебя позабывать, сколько примѣровъ представляетъ намъ исторія земнаго шара, что и добрые Государи, кои по крайней мѣрѣ награждали нѣкоторые маловажные недостатки ве-

 ли-

ликими качествами, учинились жертвою необузданнаго властолюбія надмѣннаго жреца, или излишнихъ желаній нѣкоторыхъ возмутительныхъ Эмировъ.

Когда бы было такъ, отвѣчалъ Данишемендъ, то можетъ быть усмотрѣть бы возможно было въ каждомъ особенномъ случаѣ, что Государи, на которыхъ Ваше Величество кажется цѣлите, чрезъ существенныя въ правленіи ошибки, излишнее снисхожденіе въ разсужденіи пороковъ своихъ любимцевъ, многократныя злоупотребленія независящія власти, открытыя неправды и тиранскіе поступки какъ со всемъ народомъ такъ и съ вельможами своего государства привлекли на себя нещастную честь подáть потомству матéрію къ трагедіямъ (*). Пусть Государь снищетъ усердіе своихъ подданныхъ, пусть

(*) Смотри между прочими исторію Императора Генриха IV и Карла I, Короля Аглинскаго.

пусть онъ заслужитъ славнѣйшее и пріятнѣйшее изъ всѣхъ титловъ имя *отца народа* своего: тогда онъ конечно въ состояніи будетъ сыскать въ любви ихъ къ его правительству и особѣ его неисчерпаемыя средства противъ всѣхъ намѣреній и предпріятій враговъ своихъ. Желалъ бы я видѣть того жреца или Эмировъ, которые бы дерзнули возстать на Государя, имѣющаго въ защищеніе себѣ сердцà всѣхъ своихъ подданныхъ.

Шах-Жебалъ имѣлъ вѣроятно нѣкоторыя тайныя причины не почитать убѣдительными положенія своего Философа. Однако онъ показался чувствующимъ, что не можетъ выдержать состязанія не отдавъ своему сопернику преимущества, которое бы побѣду недолго содержало нерѣшительною. И такъ надежнѣйшимъ путемъ шествуя распустилъ онъ собраніе, сказавъ прекрасной Нурмагалѣ: по истиннѣ, не достаетъ только другу нашему Дани-

нишеменду нѣсколько поболѣе свѣт-скаго познанія, чтобъ нарочито разсуждать по Философски. Онъ имѣетъ недостатокъ всѣхъ сихъ господъ говорить охотно о такихъ вещахъ, которыхъ онъ не разумѣетъ; однако говоритъ хорошо, и для препровожденія времени ничего я болѣе требовать отъ него не могу.

Плеча разумнаго Данишеменда готовы были подать отвѣтъ на сію неожидаемую похвалу, какъ онъ вспомнилъ кстатѣ, что не позволено никогда пожимать плечами при чемъ нибудь такомъ, что Султанъ можетъ сказать. И такъ онъ удовольствовался по обычаю удариться объ землю незнающею своею головою; а послѣ того вышелъ.

Читатели наши безъ сомнѣнія ожидаютъ, что Данишемендъ, которому поручено наиважнѣйшее для спокойствія Шах-Жебала и пользы всѣхъ злощастныхъ въ Индостанѣ исполненіе оставить прекрасной Нурмагалѣ усыпить престарѣлаго Султа-

ша-

тана. Въ самомъ дѣлѣ Шах-Жебалъ съ толь многою важностію говорилъ объ ономъ дѣлѣ, что самъ честный сей Философъ, знавшій изрядно нравъ своего Государя, обманулся въ сей разъ надеждою сдѣлаться орудіемъ щастія отечества своего. Сія лестная мысль удалила въ сію ночь сонъ отъ его очей; но наградила его за то наипріятнѣйшими размышленіями, какими никогда не былъ занятъ духъ сего ходатая о соотечественникахъ своихъ. Будучи въ неограниченной силѣ у своего Государя онъ не сумнѣвался ни единыя минуты о щасливомъ успѣхѣ своихъ стараній. Ибо онъ завсегда имѣлъ въ устахъ своихъ сіе пра́вило, что великіе люди могутъ все, что хотятъ. Какое веселіе! вскричалъ онъ; въ короткое время смертный уступающій въ щастіи всѣмъ въ Индостанѣ сдѣлается самъ Султаномъ.

Едва только первые лучи солнца обагрили горизонтъ, какъ Дани-

шемендъ находился уже въ передней комнатѣ столь веселъ, какъ будто бы никто въ ту ночь не спалъ лучше его. Два или три часа прошли прежде, нежели Шах-Жебалъ, не имѣвшій притомъ никакого важнаго дѣла, могъ найти время вспомнить объ немъ. Данишемендъ тутъ ли? Спросилъ онъ наконецъ, хотя уже ему и сказано было, *что онъ тутъ*. Пустите его! бѣдный Философъ, который между тѣмъ довольно имѣлъ времени свободиться отъ своея задумчивости . . . ибо ничто такъ не можетъ прогнать задумчивости въ благотворительномъ человѣчеству духѣ, какъ передняя комната. . . . пошелъ повѣся уши. Ахъ! любезный мой Данишемендъ, сказалъ Султанъ съ веселымъ лицемъ, я объ тебѣ совсѣмъ позабылъ. Что новаго, Данишемендъ? Сей вопросъ удержалъ бы нѣсколько осторожнѣйшаго человѣка, нежели былъ нашъ Философъ, отъ безполезнаго старанія приводить на память Его Величеству непріятный

ный предметъ, благополучно изъ мысли его истребленны сномъ. Но Данишемендъ хотя бы при дворѣ Делійскомъ препроводилъ жизнь Несторову, однако никогда бы не сдѣлался придворнымъ. И такъ онъ припомнилъ Султану о вечерней его клятвѣ. Шах-Жебалъ выслушалъ съ великою ласковостію все, что ни имѣлъ ему говорить Философъ. Но ты не думаешъ о томъ, сказалъ Жебалъ, что ты не возвратишся въ три года, есть ли хочешъ объѣхать всѣ мои провинціи, и освѣдомиться въ каждомъ домѣ, какъ обрѣтаются жители онаго. Я не могу рѣшиться пробыть столь долго безъ тебя. Знаешъ ли что, Данишемендъ? Какъ я поѣду въ первый разъ на охоту, то ты будешъ при мнѣ. Мы найдемъ удобно случай удалиться отъ свиты моея. Тогда, не давъ про себя никому знать, мы препроводимъ ночь въ какой нибудь отдаленной деревнѣ. Есть ли мы тамъ найдемъ какую

жи-

живую душу, которая говорить объ мнѣ будетъ худо, то Эмиръ того округа, къ которому будетъ принадлежать сіе мѣсто, будетъ принужденъ за то мнѣ отвѣчать. Я сдѣлаю изъ него примѣръ, который устрашитъ всѣхъ прочихъ; и будь увѣренъ, что сіе не останется безъ дѣйствія. Между тѣмъ мы можемъ подумать въ свободное время о исполненіи твоего предложенія. Но скажи мнѣ Данишемендъ, провѣдалъ ли ты, кто были *оные три Календера*, которые вчера сидѣли подъ великимъ кипарисомъ, на другой сторонѣ рѣки противъ садовъ моего сераля?

Данишемендъ кашлянулъ къ стати, что бы скрыть вздохъ, который онъ имѣлъ испустить; и съ сего часа бесѣда происходила . . . о *трехъ Календерахъ*.

II.

II.

Въ слѣдующую ночь, покуда Султанъ не заснулъ, говорили о *трехъ Календерахъ*. Нурмагаль и младый Мирца много вещей имѣли о нихъ сказать.

Получаемыя о семъ важномъ предметѣ новости столь мало имѣли связи между собою, столь таинственныя содержали въ себѣ вещи, что послѣдственно нѣсколько ночей не могли говорить ни о чемъ другомъ кромѣ трехъ Календеровъ. Однако наконецъ все дошло до того, что ничего особеннаго объ нихъ не открыто: и заключили, что они въ самомъ дѣлѣ не стоили труда, чтобъ стараться узнать объ нихъ болѣе. Наконецъ, Шах-Жебалу наскучила сія перемѣшка. Вы смѣшные люди, сказалъ онъ, я хочу знать исторію о Государяхъ Шешіанскихъ, а мнѣ съ семи дней говорятъ только о Календерахъ. Или я Шах-Ріаръ?

Вня-

Внятно по себѣ, что единственно зависѣло отъ Его Величества, что бы быть упражнену другими предметами во время сихъ семи дней. Но какъ всякій знаетъ, что весьма бы было неучтиво заставить Султана примѣчать нѣчто изъ сихъ разсужденій.

По положеніямъ хитраго Эблиса не было ничего несмысленнѣе, какъ допустить, что бы столь опасное животное, какъ онъ описывалъ чернь, сдѣлалось богатымъ. Но къ нещастію Шешіанскаго государства знаменованіе слова сего *богатый* осталося столь неопредѣленнымъ, что Эблисъ и бѣдныхъ почиталъ довольно богатыми, когда они имѣли нѣчто, безъ чего могли пробыть, пріемля слово *нужда* въ весьма тѣсномъ смыслѣ.

Шляхетство Шешіанское составляло издревле среднее состояніе между Государемъ и чернію. Государи почитали благородныхъ за природныхъ своихъ совѣтниковъ, и

за

за особъ назначенныхъ къ вспомо-
ществованію имъ въ правленіи раз-
ныхъ частей Государева сана; и
хотя довѣренность Шляхетства ма-
ло по малу уменьшалась при Госу-
даряхъ Татарскихъ по мѣрѣ какъ
могущество Государей умножалось,
однако имѣло оно еще по крайней
мѣрѣ весьма хорошіе остатки древ-
нихъ своихъ преимуществъ.

Во всѣхъ государствахъ, въ
которыхъ находится сіе среднее со-
стояніе между Государемъ и чернію,
примѣчено во всѣ времена, что шля-
хетство старается увеличиться на
счетъ черни, а чернь на счетъ
шляхетства. Какъ мало оное
имѣетъ надежды разпространить
свои права̀ съ стороны престола, то
старается заступить себя отъ под-
чиненности своея къ Государю, у-
мышленіемъ на права̀ черни. А сія
видя себя утѣсненною отовсюду, и
совершенно понимая, что не можетъ
противостоять перевѣсу двора, упо-
требляетъ всякія мѣры, дабы по

 край-

крайней мѣрѣ избавиться отъ сихъ малыхъ тиранновъ, которыхъ иго тѣмъ ненавистнѣе, чѣмъ менѣе могутъ они сдѣлать сноснѣе ихъ угнѣтенія подлогомъ общественнаго добра. Охотнѣе даютъ дань Государю, ибо знаютъ, что бремя всего государства лежитъ на его раменахъ, или что думаютъ, что по крайней мѣрѣ часть публичныхъ податей употребляется на отечественныя нужды. Но что касается до того, что принуждены давать тѣмъ, которые предъ Государемъ такіе же покорные подданные какъ и другіе; и кои суть яко нѣкоторые самодержцы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они имѣютъ повелѣвать, почитаютъ они то за несправедливыя грабленія. Соболѣзнуютъ они, что приведены до того, что бы и въ нужномъ себѣ отказывать для удовлетворенія гордости и роскошнымъ прихотямъ того рода людей, которыхъ почитаютъ безполезными, ибо польза, доставляемая отъ того обществу, неощутительна взору.

Го-

Государи, о которыхъ здѣсь слово, изкони ни о чемъ большаго старанія не показывали, какъ что бы пользоваться сими взаимными расположеніями шляхетства и черни, для увеличиванія собственнаго своего могущества; и достигши своего намѣренія, оставляли они шляхетству, въ которомъ думали имѣть нужду для сопротивленія устремительности черни, орудія, которыя употребляли къ утѣсненію онаго.

Народъ и шляхетство примѣтили очень поздно, что заставлены были играть очень смѣшную ролю. „Они почувствовали, что въ „Государствѣ, въ которомъ народъ „пользуется великими преимуще„ствами, преимущества благород„ныхъ должны быть столь„ко же священными, какъ и свои „собственныя. Они увѣрились, что „каждое изъ сихъ двухъ состояній „уничтожаетъ особенное свое благо„получіе, и низвергаетъ обществен„ную безопасность и общее благо-

„ состоянiе, когда ищетъ привести
„ въ безсилiе права другаго, или
„ умножить особенныя свои выгоды
„ на счетъ другаго.„

Жители Шешiана не были благоразумнѣе въ семъ пунктѣ другихъ многихъ народовъ. Дворъ воспользовался ихъ безумiемъ, ибо польза придворныхъ есть распространить сколько имъ возможно могущество Государя, управляемаго ихъ совѣтами. Они внушили Государямъ, . . да и нѣтъ ничего удобнѣе того внушенiя, . . . что Государь прiобрѣтаетъ для славы и могущества то, что шляхетство и народъ его теряютъ въ вольности и богатствѣ; и добрые Государи ни о чемъ подлинно менѣе не помышляли, какъ о неложныхъ слѣдствiяхъ политическаго дѣйствiя, къ которому попустили они себя уговорить. Надлежало, что бы *опытъ* ихъ научилъ, „ что *Государь*, у
„ котораго *шляхетство* состоитъ
„ *изъ придворныхъ*, а *народъ изъ*
„ *нищихъ*, Государь, котораго горо-

„ да

„да безъ жителей, а провинціи не
„населены и пусты, Государь, ко-
„торый вмѣсто двадцати милліо-
„новъ людей щастливыхъ повелѣ-
„ваетъ шестью или седмью милліо-
„нами тунеядцевъ, недовольныхъ
„и ослабѣвшихъ невольниковъ, . . .
„что сей Государь гораздо менѣе
„того, который не столь проница-
„теленъ къ различенію своея поль-
„зы отъ пользы своихъ подданныхъ,
„но который вѣритъ просто обще-
, му понятію, увѣряющему его, что
„лучше быть отцемъ любимымъ и
„почитаемымъ отъ жителей ма-
„лыя страны, нежели страшнымъ
„тиранномъ неизмѣримыя пустыни,
„въ которой разбросанные по всѣмъ
„мѣстамъ остатки свидѣтельству-
„ютъ, что жили тамъ люди въ
„благополучнѣйшія времена„.

Надлежало, что бы опытъ по-
казалъ Государямъ Шешіанскимъ
сію великую истинну, утвержденіе
истинныя политики; но, какъ Ис-
фандіаръ можетъ быть началъ ус-

матривать ее, то... было уже сіе весьма поздно.

Подъ правленіемъ слабаго Азора, большая часть шляхетства, принужденная нѣкоторымъ образомъ, для подражанія двору, дѣлать неумѣренный расходъ, скоро увидѣла себя принужденною искать подлымъ образомъ средства къ содержанію себя на иждивеніи другихъ. При Исфандіарѣ совершилось дѣйствіе, начатое при прежнихъ Государяхъ, и безуміе благородныхъ вознеслось до крайности. Чрезмѣрное неравенство есть зараза государства, говорилъ Эблисъ. И такъ истинна преважная, но весьма худо порученная въ руки презрительнаго орудія мучительства служила поводомъ къ пониженію *шляхетства* въ рядъ *черни*, и къ учиненію *изъ обоего пола* людей толикагожъ числа *невольниковъ*. И такъ все различие изчезло предъ ослѣпляющимъ сіяніемъ престола. Исфандіаръ видѣлъ наизнатнѣйшаго изъ своихъ Эмировъ и самого под-

подлаго ремесленника въ равномъ удаленіи. Онъ изъ одной забавы, когда ему захочется, дѣлалъ Принцемъ конюха. И сіе было необманчивое средство къ угашенію остатка добродѣтели и чести въ сынахъ, непохожихъ на благороднѣйшихъ отцевъ своихъ. Благородные привыкая къ такому поступку, ниспадали въ степень черни; и есть ли они различались еще отъ оныя, то развѣ вышшимъ степенемъ незнанія и невѣжества, развращеннѣйшими нравами, нравственною въ великомъ степени нечувствительностію, которая заставила ихъ потерять все почтеніе къ самимъ себѣ, къ сужденію своихъ современниковъ, и къ страшному и неподкупимому суду, котораго должны они были опасаться отъ потомства. Неспособны будучи возвыситься къ великимъ чувствіямъ истиннаго своего опредѣленія, неспособны будучи почитать себя *урожденными предстателями черни и яко ходатаями между ею* и

и престоломъ, они полагали свою славу въ совершенномъ раболѣпствіи независимому самовластію Султана; они на прерывъ старались быть орудіемъ безчестныхъ его страстей и самыхъ несправедливѣйшихъ повелѣній. Всякъ, кто умѣлъ ласкать съ большею подлостію, разстилаться недостойнѣйшимъ образомъ, и обманывать съ большимъ искуствомъ; всякъ кто осмѣливался показаться замаранъ пороками съ крайнимъ безстыдствомъ; однимъ словомъ, кто совершенно сложилъ съ себя всѣ сіи человѣческія природы слабости, называемыя стыдъ, сожалѣніе и совѣсть, и который достигъ высочайшаго степени совершенства въ наукѣ учинить порокъ съ большею удобностію и проворствомъ, . . . „ былъ „ человѣкомъ завиднымъ, на котораго подчиненные бездѣльники „ взирали съ почтеніемъ; человѣ- „ комъ, который надежно могъ сы- „ скать свое щастіе, и которому „ всякъ старался подражать. „ Такое

кое то было ужасное состоянiе повреждения, до котораго привелъ жителей Шешiана ядъ положенiй остроумнаго Эблиса. Столько то справедливо, что и люди подъ властiю одного человѣка теряютъ скоро образъ себѣ свойственный! Они дѣлаются чудовищами подъ правленiемъ Исфандiара столь удобно, сколь легко можно научиться добродѣтели у премудраго и добраго Государя.

Сей ненавистный Султанъ не довольствовался дѣлать всякими образами грабленiй и утѣсненiй, подданныхъ своихъ столь бѣдными, сколь было возможно, не истребляя ихъ совсѣмъ. Онъ хотѣлъ ихъ привесть къ тому, что бы они не могли понять пропасти бѣдствiй, въ которую были погружены. Есть ли бы онъ имѣлъ намѣренiе угасить въ нихъ все онаго чувствiе, заставляя ихъ почитать сiе состоянiе за естественное, то можно бы почесть сiе въ немъ за остатокъ человѣколюбiя; но стыдно бы было Исфан-

діару, когда бы подозрѣвать его стали въ такой слабости. Онъ не имѣлъ другаго намѣренія кромѣ сего, чтобъ не допустить ихъ мыслить и „*что люди не сотворены* „*къ тому, чтобъ такъ недостойно* „*съ ними поступалъ другій чело-* „*вѣкъ*.„ Дабы въ томъ успѣть, старались удалить отъ нихъ все то, что могло имъ привесть здравое понятіе объ опредѣленіи и правахъ человѣчества, о концѣ общественныя жизни и нерушимомъ обязательствѣ, которое есть утвержденіе оныя. Всякая другая Философія кромѣ Эблисовой была изгнана изъ Шешіана. Никто не могъ ничего писать безъ дозволенія двора, и безъ подверженія своихъ сочиненій разсмотрѣнію онаго. Съ нѣкоторыми изъ честныхъ отважныхъ людей, которыхъ плачевное состояніе ихъ отечества, сопряженное съ отчаяніемъ оныхъ, побудило говорить о *истиннахъ*, о *которыхъ можно только говорить подъ правленіемъ*

добраго Государя, столь жестоко поступлено было за столь возмутительную продерзость, что всякій, кто лучше любилъ свой носъ и уши, нежели свое отечество, долженъ былъ опасаться слѣдовать ихъ примѣру.

Между тѣмъ царствовала при дворѣ Исфандіаровомъ и между разными чинами орудій его тиранства, роскошь превосходящая воображеніе. Всѣ искуства, служившія орудіемъ къ сладострастію, были по мѣрѣ ихъ безполезности уважены и ободрены, въ такомъ же отношеніи, какъ полезныя художества по степени ихъ полезности были презрѣны, опровержены и брошены. Старанія, употребляемыя къ доставленію поврежденному вкусу, и притупленнымъ чувствіямъ большихъ людей новыхъ побужденій къ оживотворенію истощенныхъ ихъ силъ, средствъ къ приведенію въ движеніе онѣмѣлыхъ жилъ ихъ, были почти единственный отверстый путь народу

ду къ поправленію своего состоянія: и такъ каждый день изобрѣтали новыя художества, или по крайней мѣрѣ новыя орудія разслабленныя нѣжности; и между тѣмъ какъ земледѣліе было въ жалостномъ упадкѣ, художества роскоши приходили къ степени такого совершенства, о какомъ во времена прекрасныя Лили никогда не имѣли понятія. Эблисъ торжествовалъ при каждомъ случаѣ, видя изящный успѣхъ своего ученія. Какихъ чудесъ, говаривалъ онъ часто, не дѣлаютъ гладъ и корыстолюбіе! Я не уступлю всѣмъ колдунамъ и очарователямъ, что они палочками и талисманами дѣлаютъ, я то могу исполнить одинъ посредствомъ сихъ двухъ сильныхъ пружинъ естества человѣческаго.

По истиннѣ, большая часть изъ тѣхъ, которые долженствовали трудиться денно и нощно для роскоши при дворѣ Шешіанскомъ, не выигрывали отъ того ничего кромѣ самого нужнаго пропитанія. Но и

здѣсь

здѣсь Эблисъ не забывалъ своихъ положеній. Отъ времени до времени человѣкъ съ дарованіями (такъ называли оныхъ людей) получалъ награжденіе, которое такую возбуждало ревность въ другихъ, что тысящи заработывались до смерти въ надеждѣ получить равное щастіе. Однако между тѣмъ весьма остерегались, что бы не награждать за такое дарованіе въ которомъ бы показалось хотя нѣсколько сомнительства, что награждено преимущество, въ которомъ истинное состоитъ совершенство; но просто поелику оное было орудіемъ прихотей Исфандіара и его любимцевъ. Самый извѣстнѣйшій живописецъ, тотъ, котораго художество было похваляемо съ восторженіемъ и вѣсимо со златомъ, не почитался первымъ въ художествѣ мастеромъ, но тотъ, который умѣлъ поступать съ негоднѣйшими предметами наироскошнѣйшимъ образомъ. Пѣвица, которая (сказать на языкѣ сего двора) старалась глупо понра-

вить-

виться прелестнымъ и прекраснымъ голосомъ, употребляя оный при выраженіи высокихъ чувствій и добродѣтельныхъ страстей, имѣла свободу умереть съ голоду безъ всякаго другихъ объ ней соболѣзнованія, какъ другая при привлекательной силѣ ея очей и способности къ возбужденію нѣкоторымъ сладострастнымъ пѣніемъ и притворнымъ голосомъ роскошныхъ образовъ въ вообраэкеніи ея слушателей, была безконечно съ меньшими дарованіями идоломъ людей, *живущихъ по вкусу* и могла дѣлать расходъ какъ Принцесса.

Тогда то исполнились предвѣщанія скучныхъ стариковъ, угрожавшихъ Шешіанскому государству во время злашаго вѣка прекрасныя Царицы Лили нещастіемъ и паденіемъ. Самая малая часть народа какъ бы въ торжествѣ вела собственное другихъ и трудами ихъ пріобрѣтенное имущество такъ какъ добычу, похищенную у непріятеля,

и

и посвящала свое ужаснѣйшему расточенію. Большее притомъ число, усердствуя чинить всякіе пороки ко услугамъ большихъ людей, старалось себѣ снискать право на завидливое щастіе раздѣлить ихъ добычу. Но самая большая часть стенала въ такомъ состояніи, которое только одна долгая привычка *сносить все*, и недостойное рабство народа, низверженнаго постепенно въ рядъ звѣрей, должно было предпочесть смерти. Поврежденіе нравовъ было столь велико, что и самое малое число тѣхъ, которые спасли, какъ бы послѣ повсемственнаго кораблекрушенія, остатокъ добродѣтели, лишилось надежды противиться силѣ онаго. Всѣ состоянія гражданъ позабыли истинное свое опредѣленіе, или сдѣлались неспособными ко исполненію онаго. Нижшій чинъ оставилъ работу; сéла и городà наполнены были шатающимися нищими, которые въ посрамленіе правленія извиняли свою праздность недостат-

таткомъ трудовъ. Причемъ наиплодоноснѣйшія провинціи въ государствѣ становились мало по малу пусты за недостаткомъ земледѣлія. Ремесла были оставлены, движеніе жизненныхъ соковъ государства вездѣ остановилось, и самый столичный городъ, который съ толь долгаго времени былъ бездною, въ коей безъ возврату погибали всѣ онаго богатства, представлялъ противоборствующее сраженіе чрезмѣрныя роскоши и крайняго бѣдствія въ такомъ степени, который оскорблялъ человѣчество. Полмилліона гладомъ истощенныхъ людей просили съ великимъ воплемъ хлѣба у Султана, когда его несли въ прегордыхъ паланкинахъ къ одному изъ своихъ министровъ для вспомоществованія истощить на ужасномъ пиршествѣ доходъ съ нѣкоторыхъ провинцій. Звукъ трубъ и бубновъ, который предвѣщалъ злощастному народу жестокія забавы своихъ тиранновъ, препятствовалъ, чтобъ не слышно было

было жалобЪ и клятвЪ онаго. Вельможи, любимцы, самЪ Исфандіаръ не взирая на всѣ старанія, употребляемыя ими для взаимнаго самихЪ себя ослѣпленія не могли болѣе скрывать отЪ себя ужасныя истинны, что государство клонилось кЪ своему паденію. Не было недостатка вЪ предложеніяхЪ, что бы поправить пагубнѣйшія злоупотребленія, возстановить государственные доходы, облегчить народЪ, оживотворить прилѣжаніе и пр. Но наилучшіе изЪ сихЪ предложеній были отвергнуты, такЪ, какЪ *патріотическія сноииденія* или пожертвованы подЪ разными видами особенной пользѣ нѣкоторыхЪ людей. Нѣкоторыя изЪ сихЪ исправленій хотя произведены были точно вЪ дѣйствіе; но сіе походило только на тѣ лѣкарства, которыя на краткое время утоляютЪ дѣйствіе болѣзни, но не истребляютЪ причины оныя. Не можно прекратить *роскоши* глубоко вкоренившіяся, не подвергнувЪ

всего зданія государства опаснѣйшему потрясенію. Сіе положеніе справедливо въ нѣкоторомъ смыслѣ, но оное употребляемо было не къ спасти, когда хотѣли чрезъ то опровергнуть тѣхъ, которые съ крайнею очевидностію доказывали, что смѣшно желать излѣчить слабымъ лѣкарствомъ болѣзнь съ намѣренія питаемую. Притомъ положимъ, что Исфандіаръ устрашившись наконецъ перваго потрясенія престола, котораго основаніе ослабѣло, желалъ бы употребить всѣ спасительныя средства; положимъ, хотѣлъ бы онъ исполнить отважное, съ добрымъ разсужденіемъ предпріятое и до общаго поправленія касающееся дѣло: но не доставало у него разумныхъ и добродѣтельныхъ людей, которымъ бы онъ могъ ввѣрить исполненіе онаго. Гдѣ бы ему искать такихъ людей? Въ какомъ училищѣ, и какими примѣрами долженствовали они быть образованы? Давно ужѐ духъ добродѣтели оставилъ Шешіанцевъ.

Ни-

Никто не заботился объ общественномъ благѣ; имя отечества не возжигало болѣе сердецъ; всякъ усматривалъ въ своемъ согражданинѣ, и въ самомъ своемъ братѣ ни что иное, какъ тайнаго врага, соперника и такого человѣка, котораго щастіемъ уменьшалось благополучіе его. Каждый помышлялъ о собственныхъ только выгодахъ, и, выключая нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ людей, оплакивавшихъ въ тайнѣ развращеніе своего народа, не было никого, кто бы не былъ готовъ каждую минуту купить немного превосходнѣйшую особенную выгоду за раззореніе половины государства. Роскошь заразила весь составъ сего нещастнаго государства столь проницательнымъ ядомъ, что глава и сердце, вкусъ и нравы, тѣла̀ и ду́ши обитателей его были равно немощны. Какъ сія болѣзнь по своей природѣ продолжительна, то сіи нещастливцы чрезъ продолженіе времени столь привыкли къ оной, что ужа-

ужасное сіе состояніе сдѣлалось для нихъ второю натурою. Нечувствительность къ бѣдности согражданъ своихъ господствовала не только въ затвердѣлыхъ сердцахъ великихъ людей; она овладѣла всѣми состояніями. Всякъ помышлялъ только о томъ, какъ бы обратить въ собственную свою пользу общественное бѣдствіе. Зло умножалось ежедневно, чѣмъ болѣе находилось такихъ людей, которые надѣялись выиграть что нибудь отъ раззоренія государства. Всѣ добрые люди удалились, сколь имъ было возможно, отъ двора, въ которомъ благоразуміе было посмѣшищемъ, а добродѣтель порокомъ; и въ такое время, въ которое едва бы наипремудрѣйшіе и добродѣтельнѣйшіе мужи могли спасти государство, нещастный Исфандіаръ видѣлъ себя окруженна множествомъ мнимыхъ острыхъ умовъ, шутовъ, танцовщиковъ, сводниковъ и мошенниковъ. Чѣмъ ближе часъ общаго паденія приближался, тѣмъ болѣе

сіи

сїи злощастные казались быть ободренными умножить свои сумазбродства, и впасть въ своей погибели въ несмысленное піянство и безпамятство.

Между недѣйствительными средствами, какими Эблисъ старался удержать стремленіе смертоносныя болѣзни, заразившія государство, находилось одно, неизбѣжными своими слѣдствіями усугубившее нарочито боль, которую должно было излѣчить. Во всѣхъ великихъ государствахъ на земномъ шарѣ, возвысившихся и изчезнувшихъ, крайняя роскошь привлекала всегда за собою чрезмѣрное расточеніе между большими и богатыми, и чрезмѣрную бѣдность между убогими. И то и другое производитъ одно дѣйствіе, относительное ко нравамъ. Богатые подвергаются чрезъ расточеніе и праздность опасности *притти въ убожество*; взоръ на сіе состояніе для нихъ несносенъ. Для предупрежденія онаго, нѣтъ пороковъ, срама и безчеловѣ-

чества, котораго бы они не были готовы учинить. И какъ имъ не быть такими? Остроуміе, занимающее у нихъ мѣсто разсудка, ужѐ давно проложило путь пороку, и съ помощію *изнеженнаго вкуса* уничтожило все различіе между справедливымъ и несправедливымъ, дабы украсить тысящами прелестей пріятный или полезный порокъ, и дать ему видъ добродѣтели. Бѣдные напротивъ, дабы свободиться отъ нищеты, угнѣтающія ихъ, отчаяніемъ побуждаются порочныя предпринимать средства. Бѣднякъ, которому нѣчего лишиться, пускается на все для поправленія своего состоянія. Онъ дѣлается обманщикомъ, лжесвидѣтелемъ, ядоотравщикомъ, убивцемъ, какъ скоро онъ чѣмъ нибудь можетъ отъ того воспользоваться. Другіе, которыхъ утѣсненіе учинило слабыми, а слабость лѣнивыми, низвергаются, слѣдуя извитому пути праздности, въ самые подлые пороки. Изъ ни-

щихъ

щихъ дѣлаются они ворами; изъ воровъ разбойниками и зажигателями. Другіе видя цвѣтущее состояніе, въ которое столь же мало, какъ и они, имѣющіе пра́ва на щастіе люди, сами себя возвели чрезъ жертвованіе добродѣтели, находятъ прелесть, которая дѣлается непреодолимою сравненіемъ ея съ настоящею ихъ бѣдностію. Удивительно ли, что взоръ украшенныя алмазами Лаиды, которая ѣдучи въ позлащенной колесницѣ показываетъ мзду своея непотребныя жизни, дѣлаетъ изъ тысячи младыхъ дѣвицъ столькожъ служительницъ Венериныхъ? Чему удивляться, есть ли взоръ безчестнаго сводника, который симъ путемъ достигъ первыхъ честей въ государствѣ, дѣлаетъ тысячу другихъ сводниками? И такъ весьма сродно было, что всякіе роды пороковъ во времена Исфандіара находились въ модѣ; ничто кромѣ непрестаннаго чуда не могло бы остановить дѣйствія

причинъ, возраставшихъ ежедневно. Переходъ съ степени одного порока къ другому непримѣтенъ; безконечно бо́льшаго стоитъ труда отважиться на самое малое преступленіе, есть ли сіе въ первый еще только разъ сдѣлать должно, нежели учинить ужасный порокъ, когда однажды снищешь ужѐ злощастную способность къ дѣланію зла. Есть ли присовокупится еще зараза испорченныхъ во всемъ народѣ нравовъ; есть ли видимъ добродѣтель утѣсненною и порокъ торжествующимъ; есть ли самъ Государь и вельможи ободряютъ своими примѣрами презрѣніе законовъ и добродѣтели: то въ такомъ бы случаѣ столь же безчеловѣчно было наказывать порокъ, сколь несправедливо осуждать человѣка, до пьяна нарочно напоеннаго, за учиненныя имъ безпутства въ то время, какъ онъ былъ безъ разума.

Эблисъ не дѣлалъ сего примѣчанія. Онъ видѣлъ одно только зло; но

но не хотѣлъ видѣть источника онаго. Но сіе зло требовало скораго излѣченія. Малые пороки не имѣли болѣе ничего ужаснаго для Шешіанцевъ, ибо самыя звѣрскія преступленія начали дѣлаться обыкновенными. Отравленіе ядомъ и отцеубійство были столь общи, что никто не смѣлъ болѣе отваживаться жить въ одномъ домѣ съ своими наслѣдниками. Всѣ связи общества были прерваны; и какимъ образомъ гражданскіе законы могли бы вдохнуть почтеніе народу, который въ состояніи былъ осквернить самую натуру? Чѣмъ болѣе общественныя безопасности, тѣмъ менѣе страхъ срама. Удобнѣе было найти въ числѣ тѣхъ, кои назывались *честными людьми*, ложныхъ свидѣтелей и убійцъ, нежели въ народѣ нанять поденьщика. Общее поврежденіе похитило у прекраснаго пола все то, что придаетъ изящества красотѣ, и что можетъ наградить недостатокъ оныя. Стыдливость

и невинность, наилюбезнѣйшія прелести сего пола были странны для Шешіанокъ: и еще болѣе, оныя сдѣлались для нихъ смѣшными. Не возможно было различить честную жену отъ непотребныя по иному чему, какъ по отмѣнному притворству, съ которымъ послѣдняя старалась показаться честною, а первая непотребною. Убѣжать съ любовникомъ, или отправить мышьякомъ мужа, который не имѣлъ столько угожденія, сколько *благопоспитанному челопѣку* имѣть должно, были такія преступленія, которымъ видѣлъ себя ежедневно подверженна всякъ, кто имѣлъ нещастіе быть женатымъ. Правосудіе всѣ мѣры употребило къ удержанію несносныя крайности сего нравственнаго поврежденія. Всѣ тюрьмы и висѣлицы въ Шешіанѣ были наполнены; однако не видно было, что бы зло уменьшалось. Самый столичный городъ не взирая на исправную и строгую полицію, какую учре-

учредилъ въ ономъ Эблисъ, походилъ болѣе на ужасное собраніе соблазнительныхъ домовъ и убѣжищъ воровскихъ, нежели на средоточіе великаго государства. Отчаянныя болѣзни требуютъ лѣкарства того же рода, говорили политическіе площадные врачи при дворѣ Исфандіаровомъ. И такъ увеличили законы до казни касающіеся, умножили оные до безконечности: выдумали новые роды наказанія; ободрили знатными награжденіями доносителей въ тайныхъ преступленіяхъ; сажали въ тюрьму по самому малому подозрѣнію. Чрезвычайно удивлялись тому, или по крайней мѣрѣ притворялись таковыми, видя, что толь превосходное правосудіе . . . не дѣлало Шешіанцевъ ни благоразумными ни добродѣтельными. Напротивъ того скоро почувствовали, что лѣкарства хуже были болѣзни. Хотѣли возстановить общественную безопасность, но общая опасность болѣе умножилась. Желали удержать пре-

ступленіе, но отворили ему тысячу новыхъ воротъ. Прежде Шешіанцы боялись только однихъ воровъ и убивцевъ; а тогда и доносителей трепетали. Прежде варваръ, желавшій пользоваться смертію другаго человѣка, не зналъ инаго средства для достиженія къ своему намѣренію кромѣ яда и кинжала; тогда имѣлось законное средство, чрезъ которое получали много съ малою опасностію. Дѣлались доносителями, и уносили съ торжествомъ свою часть изъ хищенія судебнаго. Шешіанцы примѣтили вскорѣ, что промыселъ доносителей былъ гораздо прибыльнѣе, нежели всякій другій. Онъ подавалъ частые случаи приходить въ милость у большихъ людей, и различные примѣры скораго и ослѣпляющаго щастія, до котораго достигали симъ путемъ, возбудили желанія всего народа. Каждый сдѣлался доносителемъ. Порокъ лишился по истиннѣ безопасности, которою онъ наслаждался столь долго, но къ не-

нещастію невинность не имѣла никакія выгоды предъ порокомъ. И такъ, разобравши все точно, Шешіанцы болѣе находили пользы продолжая быть порочными; и наконецъ усмотрѣно, что не отстрашились преступленія сими несвязными распоряженіями, но истребили совсѣмъ слабый остатокъ добродѣтели и безпорочности, предохранявшій еще поврежденное государство отъ совершеннаго разрушенія. Не можно было обмануться болѣе въ дѣйствіи толикія важности. Но хитростный Эблисъ, выигрывалъ въ томъ нѣчто, чрезъ что почиталъ себя довольно награжденнымъ. Безконечное умноженіе законовъ до наказанія принадлежащихъ показало ему путь къ доставленію себѣ чрезмѣрныхъ доходовъ, основанныхъ на преступленіяхъ народа, подъ видомъ похвальнаго попеченія о добронравіи. Обильность сего источника имѣла нѣчто столь прельстительное, что старались ежедневно привесть въ совершенство сію благоро-

ро-

родную вѣтвь государственныхъ доходовъ, а особливо преступленіе оскорбленія величества показалось изряднымъ средствомъ къ притяжанію съ благородною пристойностію имуществъ великихъ и богатыхъ людей. Законоискусники Шешіанскіе, которые за малое воздаяніе дѣлали законнымъ все то, что нравилось двору, истощили всѣ силы своего разума для истолкованія теоріи столь прибыточнаго преступленія; они разобрали всѣ его сучки до самыхъ наималѣйшихъ отраслей, и доказали наконецъ къ великому содроганію нещастныхъ Шешіанцевъ, что едва въ нѣкоторое время можно поворотиться, или дохнуть не подпавши винѣ сего страшнаго преступленія. Простое слово, видъ, мысль и самый сонъ могли учинить виноватымъ. Можно было проступиться противъ наималѣйшаго портрета Султанова, противъ прислужника его поварни, противъ собаки, противъ сосуда, въ который онъ плевалъ. Самое осторо-

рожное охужденіе поступокЪ двора, самый малый вздохЪ, исторгнутый мучительствомЪ у Шешіанца несправедливо угнѢтаемаго, самое простое свидѢтельствованіе правами человѢчества, было преступленіемЪ оскорбленія величества. ВЪ доказательство ненасытнаго своего желанія наказывать, казались ничего столько нелюбящими, какЪ что бы каждый день подавать подданнымЪ новые случаи, дѢлаться наказанія достойными; и никто, ахЪ! никто не воображалЪ, *что наидостойнѢйшее наказанія и звѢрообразнѢйшее изъ всѣхъ преступленій было.... оскорбить человѣчество.*

ДанишемендЪ, закричалЪ СултанЪ, я усталЪ слушать о твоемЪ ИсфандіарѢ. СултанЪ, любимецЪ его, дворЪ и подданные его недостойны всѢ вообще, и каждый изЪ нихЪ вЪ особенности освѢщаемы быть солнцемЪ. О есть ли бы ты напустилЪ хорошій потопЪ, и истребилЪ бы весь сей проклятый родЪ?

Ва-

Ваше Величество, сказалъ Данишемендъ, это дѣло Божіе. Онъ имѣетъ свои причины безъ сомнѣнія сохраняя столь долго порочныхъ людей.

Оставь Метафизику, господинъ Докторъ! Послушай что я тебѣ скажу. Я тебѣ даю до завтра на размышленіе, землетрясеніемъ ли или потопомъ, или саранчею и язвою истребить ты оный захочешъ. Довольно, что бы ты наискорѣе, какъ можно, истребилъ оный отъ моего взору.

III.

Жизненныя силы великаго государства, (такъ продолжалъ Данишемендъ слѣдующаго вечера) почти неистощимы, и оно можетъ чрезъ цѣлые вѣки приближаться къ своему паденію. Часто можетъ оно колебаться непосредственно на краю стремнины, и притомъ довольно еще имѣть силъ къ возстанію и

воспя-

воспящению на нѣсколько лѣтъ несчастнаго рока. Пространная долина, которая чрезъ долгое время воздѣлываема была съ раченіемъ, должна быть на долгое время оставлена, покуда не учинится пустынею. Такъ и люди однажды привыкнувшіе къ нѣкоторымъ законамъ, къ нѣкоторому степени зависимости, могутъ безконечно много терпѣть, покуда невозможность болѣе сносить свое состояніе не прерветъ очарованія, или по крайней мѣрѣ покуда отчаяніе подастъ имъ отважность умереть.

Сіе разсужденіе дѣлаетъ обыкновенно орудія несправедливаго правительства непоколебимыми и спокойными при взорѣ погибельныхъ дѣйствій ихъ тиранства. Зло еще не столь велико, думаютъ они; оселъ тащится еще все съ своимъ бременемъ; онъ можетъ снести еще больше; и такъ накладываютъ на него еще всегда больше, покуда онъ не упадетъ на землю и не умретъ.

(*) Между тѣмъ вѣроятно, что можно изобрѣсти такое знаніе, которое бы въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ означало, какимъ образомъ можно счислить для каждыя страны день, часъ и минуту, въ которую го-

---

(*) Мы найдемъ такія же мысли, представленныя подъ *такимъ же образомъ*, въ одной особенной не очень давно вышедшей въ свѣтъ книгѣ, которая своему сочинителю можетъ быть въ 2440 году принесетъ больше чести, нежели въ 1781 году пользы. Я надѣюсь, что сіе случайное сходство доброму Данишменду не *будетъ* поставлено въ грѣхъ. Честный *снопидѣцъ*, о коемъ мы упоминаемъ, можетъ конечно нѣсколько больше имѣть черныя желчи въ своей крови, нежели сколько человѣкъ, любящій свое спокойствіе, желать себѣ должен ъ. Но всегда трудно не быть добру къ такому человѣку, который любитъ столько своихъ подобныхъ, что ни Бастиллія ни Бисетра не могутъ его удержать говорить все то, что онъ имѣетъ на сердцѣ.

государство должно пасть подЪ нѣкоторымЪ бременемЪ золЪ. . . . полагая притомЪ, что не случится никакого чуда кЪ упрежденію сего злощастія. НѣтЪ ничего желательнѣе для блаженства рода человѣческаго, какЪ что бы сыскался такій, который бы предложилЪ награжденіе, дабы ободрить кЪ сысканію такого *политическаго барометра.*

Шах-ЖебалЪ имѣлЪ, какЪ можетЪ быть ужѐ примѣтятЪ, нѣкоторыя легкомысленности, во время которыхЪ со всею своею остротою могЪ онЪ говорить о вещахЪ, кои могли сдѣлать честь дядѣ его Шах-Багаму. Сказать правду, онЪ иногда слушалЪ однимЪ ухомЪ, и точно тогда вЪ такомЪ случаѣ онЪ находился. КакЪ скоро онЪ услышалЪ, что ДанишемендЪ началЪ свой разговорЪ размышленіемЪ, предался, не теряя вовсе порядка разговора, размышленію, пришедшему по случаю ему на память. ОнЪ находи-

ходился въ семъ состоянiи, какъ былъ вдругъ тронутъ понятiемъ политическаго барометра, предложеннаго ему Данишемендомъ. Сiя мысль ему понравилась. Послушай, Данишемендъ, сказалъ онъ; твоя мысль преизрядна; и есть ли только дѣло состоитъ въ награжденiи, то я даю десять тысячь багамдоровъ изобрѣтателю. Ты можешъ завтре увѣдомить о семъ Президента моея Академiи.

Нурмагаль и Данишемендъ посмотрѣли другъ на друга тихонько; но голосъ Султанскiй былъ гораздо важенъ, нежели что бы можно отважиться отвѣтствовать на оный шутками. И такъ они приняли нѣкоторый притворный видъ, дабы свободиться, сколько было на скорости возможно, отъ онаго дѣла. Данишемендъ увѣрилъ Его Величество, что десятыя части предложеннаго награжденiя довольно будетъ для приведенiя въ движенiе всѣхъ Философовъ въ Индостанѣ. И

Шах-

Шах - ЖебалЪ немало веселился мыслію видѣть свое государство прославленное столь разумнымЪ и полезнымЪ изобрѣтеніемЪ. Послѣ нѣкоторыя перемѣшки ДанишемендЪ по приказанію Султанскому продолжалЪ свою повѣсть такимЪ образомЪ:

За недостаткомЪ политическаго *кримометра* (мѣрила пороковЪ), который имѣлЪ щастіе быть одобренЪ ВашимЪ ВеличествомЪ, не можно точно опредѣлить, сколько бы еще времени могЪ стенать ШешіанЪ подЪ владѣніемЪ ИсфандіаровымЪ. Но сей неблагоразумный Государь самЪ навлекЪ поспѣшно нещастный рокЪ чрезЪ нѣкоторый поступокЪ, который ни чемЪ не могЪ оправданЪ быть вЪ такихЪ обстоятельствахЪ, вЪ какихЪ находилось тогда государство.

Ваше Величество помните безЪ сомнѣнія о *голубыхЪ и огненыхЪ цвѣтахЪ*, возбудившихЪ вЪ царствованіе Азорово столь опасныя возмущенія. ИсфандіарЪ, который казалось

лось сдѣлалъ себѣ при вступленіи своемъ на престолъ законъ, что бы ненавидѣть все то, что его отецъ любилъ, содержалъ чрезъ нѣсколько лѣтъ *огненые цвѣты* подъ особеннымъ своимъ покровительствомъ единственно по тому, что *голубые* имѣли преимущество въ предыдущемъ царствованіи. Дабы никто не могъ сумнѣваться о побудительной причинѣ его поступка, онъ издѣвался публично и безмѣрно надъ вѣрою тѣхъ и другихъ. Эблисъ пріобучилъ его разсуждать о законѣ вообще подъ ложнымъ свѣтомъ. Ничто не могло быть короче Метафизики сего любимца. Нужда и случай, говорилъ онъ, раздѣляютъ правленіе свѣта. Человѣкъ плаваетъ какъ пылинка въ неизмѣримости; бытіе его продолжается только чрезъ одно мгновеніе. Сіе мгновеніе есть все, что онъ можетъ назвать своимъ, и пользоваться симъ мгновеніемъ, есть все то, что ему должно сдѣлать. На сихъ то

лож-

ложныхЪ заключеніяхЪ основалЪ онЪ нечестивое свое нравоученіе и мучительскую политику, привлекшую за собою паденіе его отечества. „Законъ, говорили явно при дворѣ Исфандіаровомъ, есть полезное изобрѣтеніе древнихъ законодателей, „дабы пріучить свирѣпые народы „къ странному игу; онъ есть уздою „народа; Государи должны держать „въ своихъ рукахъ сію узду, но „было бы смѣшно накинуть оную „на самого себя„. И хотя бы сіи положенія не столь были ложны, какъ дѣйствительно суть, однако нѣтъ ничего несмысленнѣе, какъ говорить объ оныхъ громко, дабы всѣ слышали. Хотя Эблисъ почиталъ законъ вообще за политическое средство къ удержанію необузданности народныя, однако онъ долженъ былъ признаться, что дѣйствіе онаго зависѣло отъ увѣренія о его вещественности; какъ амулетты, которыми Брамины и Бонзы, обыкновенно дарятъ своихъ

послѣдователей въ Китаѣ и въ восточной Индіи, могутъ произвести нѣкоторыя дѣйствія единственно по слѣпой вѣроятности о внутреннихъ оныхъ силахъ. Сказывать явно народу, что его только обманываютъ, и ожидать, что бы при всемъ томъ всегда отдавался онъ въ обманъ, сіе предполагаетъ презрѣніе общаго разсудка, который мало дѣлаетъ чести благоразумію Эблисову. Поступокъ сей по тогдашнему положенію дѣлъ Шешіанскаго государства, долженствовалъ необходимо причинить сугубое зло. Съ одной стороны презрѣніе закона вкралось мало по малу отъ великихъ и ученыхъ даже между самою чернію, которая казалось радовалася, что Государи ея были довольно несмысленны, чтобъ прорвать плотину, которая могла бы еще имъ доставлять нѣкоторую безопасность противъ источника общественнаго поврежденія. Съ другія стороны Бонзы голубыя части не опускали пользоваться симъ случаемъ

къ

къ возстановленію находившихся въ худомъ состояніи дѣлъ своихъ. Чѣмъ ближе находилась опасность, угрожавшая суевѣрію Шешіанскаго государства паденіемъ, тѣмъ съ большею ревностію употребляли они всѣ средства къ возбужденію народа отъ сонноболѣзныя своея нечувственности и къ вверженію въ дикій огонь безумныя набожности. Подъ мудрымъ правленіемъ сія нечувственность Шешіанцевъ къ смѣшному вѣроятію предковъ ихъ была бы средствомъ къ учиненію почти непримѣтнымъ образомъ великаго поправленія, не причиняя сильнаго колебанія. „Мнимые философы того времени возъ„намѣрились разрушить древнее зда„ніе, не созидая другаго на лучшемъ „основаніи, изъ прочнѣйшихъ „матеріаловъ и благороднѣйшею „архитектурою„. Сіе неблагоразуміе не только опустило благополучный сей случай, но еще умножило зло, которое есть непосредственный плодъ невѣрія, со всѣми

нещастными слѣдствіями безумства. Лѣтописи человѣчества научаютъ насъ, что всегда, какъ нечестіе и распустность нравовъ доходили до высочайшаго своего степени, безумство сильнѣе потрясало сокрушительный свой факелъ. Часто цѣлыя земли испытывали жестокую судьбу опустошенныя области отъ непріятелей своихъ купно и отъ друзей.

Дворъ, котораго единственное упражненіе было, что бы обращать въ особенную свою пользу общественное злощастіе государства, не опускалъ примѣчать строго за всѣми движеніями голубыхъ, и находилъ тѣмъ удобнѣе случай на оныхъ нападать, что они, ослѣплены будучи безумною своею горячестію, почитали себя довольно сильными къ нападенію на своихъ противниковъ огневаго цвѣта, и на самый дворъ, защищавшій оныхъ. Хотя ихъ менѣе было числомъ, однако богатство начальныхъ ихъ членовъ казалось обѣщало имъ преимущество

тѣмъ

тѣмъ надежнѣйшее, что наибогатѣйшій обыкновенно есть тотъ, кто можетъ себѣ достать, какъ скоро захочетъ, много единомысленниковъ. Но сіи то точно богатства возбудили въ Исфандіарѣ и его министрахъ жадность къ хищенію. Принято намѣреніе овладѣть оными подъ видомъ, что могутъ произвести оныя когда захотятъ. Притворялись, что беспокоятся движеніями голубыхъ; много говорили о опасностяхъ, угрожающихъ государству; разговаривали тайно о худомыслящей сторонѣ, о тайныхъ умыслахъ, о подозрительныхъ сборищахъ, и наконецъ кончили тѣмъ, что принуждено будетъ поступить съ голубыми съ нѣкоторою строгостію. Болѣе исполнили, нежели какъ обѣщались, въ надеждѣ, что голубые не попустятъ поступать съ собою худо съ довольною терпѣливостію, что бы не подать случая поступать съ ними хуже; въ чемъ и не обманулись. Однимъ словомъ, не

успо-

успокоились, покуда не принудили ихъ къ дѣланію нѣкоторыхъ движеній; которымъ можно было дать имя *Бунта и позмущенія.* Тогда то Эблисъ достигъ своего намѣренія. Но онъ и нещастный Исфандіаръ недолго наслаждались симъ удовольствіемъ. Голубые побуждены будучи нѣкоторыми сумазбродными мятежниками, которые тѣмъ болѣе надѣялись выиграть, чѣмъ менѣе могли потерять, возстали наконецъ въ самомъ дѣлѣ. Бесчисленное множество недовольныхъ всякаго рода пристали къ ихъ обществу. Чернь, которая давно ожидала съ нетерпѣливостію, что бы кто нибудь публично поднялъ знамя возмущенія, собралась въ разныхъ провинціяхъ, низпровергнула вездѣ статуи Исфандіаровы, разграбила сокровищницы его, и убила всѣхъ, которыхъ ненавидѣла такъ какъ бывшихъ орудіями тиранскаго его правленія. Піянство, въ которомъ привыкли жить при дворѣ Шешіанскомъ, сдѣлало то, что

что взирали съ презрѣніемъ на первыя искры такого возмущенія, отъ котораго можно было удобно предвидѣть, что оное скоро учинится общимъ, и Эблисъ думалъ, что онъ великое учинилъ дѣло, приказавъ наказать главныхъ изъ числа бунтующихъ, причинившихъ нѣкоторое беспокойство въ самой столицѣ, чего одинъ слухъ, какъ онъ говорилъ, заставитъ упасть оружія изъ рукъ всѣхъ другихъ. Но онъ не имѣлъ ни малаго свѣденія о натурѣ человѣческой. Безъ сомнѣнія, что непосредственный видъ сихъ наказаній, и взоръ нѣсколькихъ тысячь наемныхъ убивцевъ, готовыхъ напасть при маломъ знакѣ на подобіе свирѣпыхъ звѣрей на народъ кроткій и боязливый, произвелъ бы сіе дѣйствіе. Но слухъ о семъ новомъ доказательствѣ жестокости Исфандіаровой, распространившійся въ провинціяхъ, произвелъ совсѣмъ противное дѣйствіе въ мысляхъ Шешіанцевъ! Неудовольствіе ихъ обратилось въ свирѣпость; на-

начальники возмущенія видѣли себя во всякой необходимости побѣдить, или по крайней мѣрѣ не умереть безъ отмщенія. Возмущеніе, коего опасность Эблисъ скрывалъ отъ обманываемаго своего Государя сколь долго было возможно, въ скоромъ времени приняло такій видъ, что принуждены были открыть глаза Исфандіару.

Сей Государь, которому болѣе недоставало мужества, нежели способности онымъ управлять въ первый разъ въ своей жизни, приготовился предводить войско, коего вѣрность надѣялся онъ, что купилъ великими подарками и еще большими обѣщаніями . . . и воевать противъ собственныхъ своихъ подданныхъ. Начальники бунта между тѣмъ имѣли довольно времени устроиться въ порядокъ, уговориться между собою и поступать по общему распоряженію. Они вознамѣрились не прежде положить оружіе, пока не приведутъ въ непоколебимую безопасность благосостояніе

яніе отечества и права̀ граждан своих противу предпріятій самопроизвольныя власти: по чему почли за нужное сколь возможно избѣгать всего того, что могло дать их предпріятію вид достойнаго казни бунта. Весь Шешіан должен был увѣрен быть, что они принялись за оружіе не противу законнаго Государя их; но единственно только для исторгнутія необходимостію защищенія существеннѣйших своих прав, противу нападков Государевых совѣтников. В сем намѣреніи препроводили они до Исфандіара нѣкоторый род манифеста, в коем послѣ живаго представленія всѣх своих отягощеній, объявили, что тотчас разойдутся, есть ли Государь избавит их от сих отягощеній, и в доказательство своея искренности любимца Эблиса выдаст справедливому мщенію всего оскорбленнаго народа.

Сіе сказал Шах-Жебал, было такое требованіе, к которому

му Государь, наблюдающій свою честь, никогдабъ не склонился.

И Исфандіаръ весьма отдаленъ былъ отъ таковыя мысли. Но въ скоромъ времени получилъ онъ причину раскаиваться въ томъ, что почелъ довольно важнымъ для столь дорогаго покупленія сохраненіе одного человѣка, который на вѣсахъ разсудка былъ пылинкою, когда вѣсилось съ нимъ благосостояніе государства и безопасность престола. Эблисъ скоро примѣтилъ, что дѣла Государя его и его собственныя близки были къ страшному рѣшенію. Онъ нашелъ опаснымъ для себя то, чтобъ его собственная безопасность зависѣла отъ совершенія такого сраженія, отъ котораго онъ въ какомъ бы то ни было разсужденіи не много ласкался получить себѣ пользы. И такъ размышлялъ онъ не долго. Вѣрность, благодарность, дружество не могли ему воспрепятствовать учинить гнуснѣйшее дѣло; ибо онѣ были для него пустыя только

ко

ко имена. Онъ вступилъ въ тайныя пересылки съ начальниками недовольныхъ, и обязался перейти къ нимъ съ наибольшею частію Султанскаго войска, есть ли только они признаютъ ему честь трудиться равно съ ними о возстановленіи народнаго спокойствія, и довольно въ томъ его обнадѣжатъ. Бунтующіе согласились на все, и Эблисъ между тѣмъ съ толь же великимъ усердіемъ, какъ и осторожностію, старался полки и знатнѣйшихъ оныхъ предводителей отчасти привлечь къ своему умыслу, отчастижь учинить невѣдающими орудіями онаго. Сіе дѣлалъ онъ въ то самое время, какъ погружалъ Государя своего въ глубочайшую безопасность видомъ жарчайшія преданности и множествомъ ложныхъ извѣстій. Умыселъ его удавался столь благополучно, что онъ въ припадкѣ воспламененія, дѣлавшемъ великихъ преступниковъ ужѐ столь часто орудіями собственныя ихъ погибели, воспріялъ вдругъ гор-

дую надежду, взойти на престолЪ вЪ тоже мгновеніе, какЪ ИсфандіарЪ сЪ онаго будетЪ сверженЪ. Мятежники до сихЪ порЪ казались еще склонными пощадить Государское достоинство вЪ ненавистномЪ Исфандіарѣ. Но ЭблисЪ представилЪ имЪ, что не возможно думать о твердомЪ поправленіи государства, или токмо надѣяться безопасности собственныхЪ ихЪ особЪ и имѣнія, пока еще будетЪ живЪ сей тираннЪ. ОнЪ умѣлЪ столь побудительно представить имЪ необходимость искоренить зло (какЪ онЪ говорилЪ) однимЪ отважнымЪ ударомЪ, что обѣщались ему споспѣшествовать всевозможнѣйшими образами, есть ли онЪ предприметЪ на себя исполненіе сего удара.

Все казалось совокупилось для содѣланія измѣнника Эблиса участникомЪ пышныя цѣли его желаній; какЪ онЪ вдругЪ, но по нещастію своему ужѐ поздно испыталЪ, что злодѣй весьма обманывает-

вается полагаясь на добродѣтель исполнителей своихъ беззаконій. Эблисъ ласкался тѣмъ, что немногіе люди, коимъ принужденъ онъ былъ ввѣрить свою тайну, прикованы къ нему клятвами, награжденіями и обѣщаніями блистательнаго щастія. Но обманулся онъ. Одинъ изъ сихъ сдѣлалъ примѣчаніе, что вѣроятно еще выигрышнѣе для него будетъ, есть ли онъ донесетъ Султану о вѣроломности его повѣреннаго. Онъ учинилъ сіе за часъ передъ тѣмъ, какъ умыслу на жизнь Султанову надлежало произведену быть въ дѣйство. Сіе было около полуночи. Исфандіаръ порываемый яростнымъ гнѣвомъ на неблагодарность такого любимца, за коего онъ пожертвовалъ самого себя, отвергалъ и единую мысль о побѣгѣ. Эмиръ, открывшій ему заговоръ не забылъ напередъ подчинить себѣ часть гвардіи. Окруженъ будучи сими воинами и всѣми, на коихъ вѣрность думалъ онъ, что наиболѣе могъ положиться, прика-

 залъ

залъ Исфандіаръ взять подъ стражу измѣнника Эблиса и прочихъ заговорщиковъ. Оные собрались было въ нѣкоторомъ уреченномъ мѣстѣ, для приступленія къ исполненію своего предпріятія, какъ примѣтили, что имъ измѣнено. Одно мгновеніе ока надобно было для усмотренія ужасности ихъ состоянія во всей ея великости. *Одно отчаяніе* могло имъ открыть единственный возможный путь къ спасенію. Они вознамѣрились дать твердѣйшій отпоръ. Страшнѣйшая смерть намъ извѣстна; (вскричалъ Эблисъ) въ семъ нещастнѣйшемъ случаѣ можемъ мы только умереть съ оружіемъ въ рукахъ: но также возможно намъ одержать верьхъ. Съ яростію пробились они сквозь драбантовъ Исфандіаровыхъ, ворвались съ великимъ крикомъ въ чертоги и низвергали все имъ противившееся. Въ нѣсколько мгновеній во всѣхъ чертогахъ сдѣлалось возмущеніе; большая часть воиновъ пристала къ мятежникамъ. На-

ста-

стала та минута, въ которую тотъ, предъ стопами коего незадолго прежде милліоны рабовъ валялись въ прахѣ, искалъ въ исполненномъ тоски смятеніи помощи и сожалѣнія, и не находилъ никого, ктобъ имѣлъ столько добродѣтели, чтобъ прикрыть грудью своею, яко щитомъ, отверженнаго Государя. Да, вскричалъ онъ стремящимся къ нему заговорщикамъ, я хочу умереть, но не паду безъ отмщенія. Произнесши сіи слова кинулся съ обнаженнымъ кинжаломъ на Эблиса: но прежде нежели могъ его достичь, палъ на землю пронзенъ безчисленными ударами. Между тѣмъ шумъ, причиненный ужаснымъ симъ явленіемъ въ чертогахъ, возбудилъ отъ сна большую часть столицы. Народъ прибѣжалъ толпами. Неявственный и ужасный крикъ: вольность, вольность! да погибнетъ тираннъ и его помощники! раздавался страшнымъ образомъ по всѣмъ переходамъ въ чертогахъ. Эблисъ съ

главою Исфандіаровою на острѣ своего меча ласкался укротить симъ видомъ бѣшенство черни; но она видя оторванную голову Султана въ рукахъ вѣроломнаго его любимца, перемѣнила вдругъ предметъ своея ярости. Предатель разтерзанъ былъ въ куски. Всѣ хотѣвшіе его защитить или за него отмстить, пали мертвы. Чертоги были разграблены и преданы пламени. Огонь охватилъ нѣкоторую часть города и пожиралъ окрестность тѣмъ стремительнѣе, что никто не помышлялъ о прекращеніи его опустошеній. Всѣ злощастія всеобщаго возмущенія соединились на содѣланіе Шешіана театромъ такихъ дѣйствій, отъ коихъ человѣчество отвращаетъ взоръ свой съ содраганіемъ. Притомъ все сіе было только одно начало, и, такъ сказать, знакъ всеобщаго и совершеннаго разорванія всѣхъ связей, которыми дотолѣ держалось еще государство. Исфандіаръ не оставилъ по себѣ законна-

наго наслѣдника. Ибо нѣсколько лѣтъ спустя послѣ вступленія своего на престолъ истребилъ онъ подъ разными предлогами брата своего и сыновей младшаго брата Азорова. Главные города̀ государства дѣлали пріуготовленія къ доставленію себѣ вольности; но не могли согласиться о образѣ установленія, которое они хотѣли себѣ дать. Они себя истребляли совсѣмъ междоусобными войнами, или были принуждены подвергнуться тому или другому изъ пяти или шести самыхъ сильныхъ Эмировъ, споривших о престолѣ. Во время продолженія сея разпри, ведомыя со всею яростію междоусобныя брани, Шешіанъ испыталъ въ другій разъ ужасъ *безначалія* (*анархіи*) въ самомъ жесточайшемъ степени, ибо оная была соразмѣрна степени нравственнаго повреждения, въ которое впало государство. Чрезъ нѣсколько лѣтъ казалось духъ добродѣтели угасъ въ каждой душѣ и безобразный трупъ

государства казался быть оставленнымъ страшному истлѣнію. По всей очевидности сей бы былъ жребій Шешіана, есть ли бы въ топъ часъ, въ который начали лишаться всея надежды, Богъ защитникъ человѣчества не призрѣлъ сожалительнымъ окомъ на слабый остатокъ государства, которое было столь пространно и въ толь цвѣтущемъ состояніи.

Благодарствую тебѣ, Данишемендъ, сказалъ Шах-Жебалъ за доброе правосудіе, которое ты учинилъ съ оными чудовищами для чести престола, и въ предостереженіе всѣмъ будущимъ Исфандіарамъ и Эблисамъ, (есть ли по крайней мѣрѣ природа должна произвесть когда на свѣтъ подобныхъ). Впрочемъ я не скрою отъ тебя, что ты долженъ намъ сдѣлать нѣкоторое удовольствіе за то, что повѣствуя намъ, начиная съ честнаго Огул-Хана, который однако и самъ имѣлъ великіе пороки, объ однихъ только без-

безымянныхъ и слабыхъ Государяхъ, кончилъ число оныхъ Исфандіаромъ. По истиннѣ, сей Государь столь достоинъ ненависти, что самый недостойнѣйшій изъ его предшественниковъ, по тому что объ немъ ничего не можно сказать, въ сравненіи съ нимъ, можетъ почесться за добраго Государя. Непріятно и читать, за возможное, что бы существовалъ человѣкъ столь нещастнаго свойства.

А еще непріятнѣе, сказалъ Данишемендъ, что едва есть ли на землѣ одна страна, которая бы могла похвалиться симъ щастіемъ, что не имѣла между своими Государями Исфандіара. И притомъ сей человѣкъ, который былъ наихудшій изъ Царей Шешіанскихъ, мнѣ кажется не столь достойнымъ ненависти какъ сожалѣнія. Всѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, казалось, были совокуплены нѣкакимъ злотворящимъ духомъ

къ тому, что бы привести его къ погибели. Не было ни одного добродѣтельнаго мужа, ни одного честнаго во всемъ государствѣ, который бы имѣлъ столько человѣчества, что бы по крайней мѣрѣ отъ сострадані́я сказать правду ослѣпленному своему Государю! Толпа подлыхъ невольниковъ, разстилающихся при его ногахъ и безчестныхъ ласкателей неспособныхъ краснѣть, окружала его уши! Должно ли почитать за возможное, что бы такі́й Исфанді́аръ, вѣнчанный беззаконникъ, котораго жизнь была цѣпь пороковъ и сумазбродствъ, засыпанъ былъ отъ множества ораторовъ и писателей того времени всѣми похвалами, которыя только единъ наилучші́й изъ Государей заслужить можетъ? Возможно ли повѣрить, что бы Шеші́анецъ былъ столько безстыденъ, что бы въ присутствіи тысячи особъ, которыхъ очи и видъ обличали его во лжи, называть сего Исфанді́ара наидостойнѣйшимъ

шимЪ и любезнѣйшимЪ изЪ всѣхЪ Государей, отцемЪ своего народа и благотворительнымЪ божествомЪ своего государства? Однако имѣлисЬ такіе бѣдняки между учеными, между тѣми, которые ставили себя мудрецами вЪ государствѣ; и что почти столько же удивительно, что ИсфандіарЪ вЪ состояніи былЪ сЪ удовольствіемЪ слушать такіе вздоры, и осыпать вдругЪ троекратныхЪ невольниковЪ, нестыдившихся столь нагло ругаться надЪ истинною, добродѣтеліею и честію, награжденіями, которыя равно стыдно давать какЪ и заслуживать. ВозмогЪ ли ИсфандіарЪ потерять совсѣмЪ чувствіе справедливости и несправедливости, дабы безЪ всякаго стыда слушать излишнія похвалы, походившія болѣе на колкія сатиры? И есть ли онЪ то могЪ, то сколько долженЪ быть недостоинЪ образа человѣческаго тотЪ, котораго надежда безчестныя прибыли приводила вЪ состояніе упо-

упре-

треблять во зло разговоръ чувствія, дабы утвердить въ порокахъ извѣданнаго тиранна? Сколь бѣдны тѣ, которые могли слушать такія похвалы не уличая въ лице онаго безстыднаго лжеца, и которые въ состояніи были плескать ему своими совосклицаніями? Должно признаться, что Шешіанцы заслуживали такого Государя какъ Исфандіаръ. Довольно одной минуты, для представленія себѣ, кто они были, дабы чувствовать сожалѣніе, которое естественно возбуждается въ насъ, когда видимъ страждущихъ подобныхъ намъ, обращающееся въ радость взирая на погибель сихъ развращенныхъ людей.

IV.

Данишмендъ представилъ намъ развращеніе Шешіанцевъ столь великимъ и столь общимъ, сказалъ Султанъ, что я не понимаю, отку-

куда онъ возметъ способнаго человѣка, который бы могъ сотворить новый свѣтъ изъ сего хаоса. Мнѣ по крайней мѣрѣ то извѣстно, что такого человѣка не могъ никогда произвести дворъ Шешіанскій.

Наилучшій изъ всѣхъ Государей Китайскихъ (*) воспитанъ въ хижинѣ, отвѣчалъ Данишемендъ. И какимъ бы образомъ (говоритъ Китайскій сочинитель) добродѣтельному поселянину Кюнъ не сдѣлаться наилучшимъ изъ Государей? Первое его состояніе сдѣлало его прежде *человѣкомъ*. Сей есть главный пунктъ. Сколь немногіе изъ тѣхъ, кото-

(*) *Кюнъ* соправитель и послѣдователь добраго Императора Іао. Смотри Дю Галдово описаніе Китайскаго государства, томъ 1. стран. 263. въ нѣмецкомъ переводѣ. Впрочемъ не должно скрывать, что исторія Китайскихъ Императоровъ *Іао* и *Кюнъ* по всему виду, не содержитъ больше историческія истинны, какъ и исторія Шешіанскаго Государя *Тифана*.

которые съ самого младенчества воспитаны были, что бы нѣкогда вступить на престолъ, могутъ похвалиться симъ преимуществомъ?

Тифанъ, возстановитель своего отечества, *Тифанъ*, законодатель, герой, мудрый, отецъ своего народа, наилюбезнѣйшій и благополучнѣйшій изъ всѣхъ Государей . . . котораго исторію хочу я разсказывать Султану моему Государю, *Тифанъ* не имѣлъ бы вѣроятно всѣхъ сихъ качествъ, есть ли бы онъ воспитанъ былъ при дворѣ Исфандіара своего родственника, или въ другомъ какомъ Асіатскомъ дворѣ своего времени.

Воспитанный въ нѣдрѣ самыя природы, въ отдаленности отъ заразительныя атмосферы многолюдства, какъ бы въ нѣкоей пустынѣ, приведенный къ малому сообществу людей неразвращенныхъ, трудолюбивыхъ и трезвыхъ, гдѣ онъ и не думалъ, что бы былъ больше самого послѣдняго изъ нихъ, *Тифанъ* пре-

про-

проводилъ первые тритцать лѣтъ своея жизни въ такомъ состояніи, въ которомъ сердце его безъ всякаго о томъ свѣденія образовалось при упражненіи во всѣхъ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя дѣлаютъ великихъ Государей. Онъ одолженъ симъ рѣдкимъ щастіемъ жестокости Исфандіаровой, безъ чего трудно бы ему было сдѣлаться виновникомъ общаго щастія своего народа. Другое обстоятельство сколь щастливое, столь и рѣдкое, было то, что малолѣтство его ввѣрено было одному добродѣтельному человѣку, каковы можетъ быть тогда былъ во всемъ Шешіанѣ. Скоро по вступленіи своемъ на престолъ, Исфандіаръ, какъ помнится, я уже о томъ упомянулъ, истребилъ своихъ братьевъ и дѣтей, оставленныхъ *Теморомъ* однимъ только братомъ отца его. *Тифанъ* былъ самый младшій изъ сихъ послѣднихъ. Будучи почти седьми лѣтъ, сіе дитя находилося подъ смотрѣніемъ у одного преста-

старѣлаго Визиря, котораго отецъ его любилъ преимущественно. *Ченгисъ*, (такъ назывался оный старикъ) имѣлъ у себя одного сына такихъ же лѣтъ, какихъ былъ сынъ Принца Темора; и единое средство сохранить младаго Тифана, было то, что бы отдать собственнаго своего сына убійцамъ, присланнымъ отъ Исфандіара. Ченгисъ не усумнился принести добродѣтели столь великую жертву.

Онъ отдалъ собственнаго своего сына, а самъ удалился съ младымъ Тифаномъ, который отнынѣ почитался его сыномъ, въ неизвѣстную сторону къ полуденнымъ границамъ Шешіана. Сія была плодоносная но невоздѣланная долина, окруженная горами и степьми, которую онъ почелъ назначенною отъ самыя природы, для служенія убѣжищемъ добродѣтельному мужу, находящему свое щастіе въ себѣ самомъ, и младому Государю, котораго щастіе заставило испы-

тать

тать непостоянство свое въ толь нѣжномъ возрастѣ.

Здѣсь Чензисъ учредилъ родъ поселенія, даровавъ вольность нѣкоторому числу невольниковъ обоего пола, покупанныхъ имъ на сей конецъ у сосѣдственныхъ Черкассовъ съ тѣмъ, что бы они помогали ему обработывать сіи пустыя мѣста. Природа наградила его труды наищастливѣйшимъ успѣхомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ наибольшая часть сихъ пріятныхъ дичей была превращена въ поля покрытыя хлѣбомъ, садами и лугами, которыя орошаемы были неищетными маленькими ручьями, кои Чензисъ при помощи своихъ сограждан привелъ туда съ сосѣдственныхъ горъ. Радостные обитатели жили въ *изобиліи нужнаго*, и въ ономъ щастливомъ недостаткѣ излишнихъ вещей, который есть богатство для мудраго или для незнающаго сего. Хотя всѣ сіи люди были его невольники, однако Чен-

тисЪ не требовалЪ никакія власти надЪ ними.

Всякое неравенство, не происходящее отЪ самыя природы, изгнано было изЪ хижинЪ сихЪ щасливыхЪ обитателей. Отцы семействЪ составляли родЪ совѣта, который разсуждалЪ о вещахЪ, касающихся до общественнаго благосостоянія, и прекращалЪ малыя ссоры, кои могли произойти между столь малочисленнымЪ, столь довольнымЪ и толь бѣднымЪ народомЪ.

ВЪ семЪ то маломЪ селеніи воспитывался такЪ какЪ между равными себѣ, племянникЪ наивеличайшаго и сластолюбивѣйшаго изЪ МонарховЪ восточныхЪ. ОнЪ жилЪ вЪ незнаніи о своемЪ состояніи, которое премудрый ЧенгисЪ почиталЪ за нужное, что бы судьба ни опредѣлила о семЪ ЦарскомЪ сынѣ, воспитанникѣ его. Есть ли онЪ назначенЪ кЪ престолу, говорилЪ онЪ самЪ вЪ себѣ, то народы, которыхЪ онЪ сдѣла-

лаетъ щастіе, почтутъ пепелъ добродѣтельнаго Ченгиса за воспитаніе имъ Государя, который жилъ въ привычкѣ, что бы почитать за подобныхъ себѣ людей гораздо нижшаго класса, не ожидать ничего отъ другихъ, чего они не могутъ требовать отъ него, что бы одолжену быть пропитаніемъ одному своему труду; Государя немогущаго имѣть сего вздорнаго мнѣнія, будто бы милліоны людей единственно для того живутъ, что бы доставить ему праздную жизнь, и привесть его въ состояніе отдаваться своенравію. Есть ли, напротивъ того, судьба опредѣлила ему безславную жизнь, то незнаніе происхожденія будетъ для него щастіемъ. Желать вывесть его изъ заблужденія почитать себя рожденнымъ для состоянія, въ которомъ онъ живетъ, было бы въ семъ послѣднемъ случаѣ жестокость.

И такъ Тифанъ, когда онъ пасъ свои стада, не имѣлъ никако-

го понятія, что природа его назначила къ ношенію скиптра а не пастушьяго посоха. Царская кровь, текущая въ жилахъ его, столь мало ему напоминала о не знаю какихъ врожденныхъ преимуществахъ надъ людьми, съ коими онъ жилъ, что онъ взиралъ болѣе съ почтеніемъ на тѣхъ, кои лучше его работать умѣли, и которые слѣдовательно были *полезнѣе* его. Весьма часто, когда Ченгисъ взиралъ на младаго Принца, возвращающагося отъ полевыхъ своихъ трудовъ въ платьѣ изъ толстаго холста, имѣющаго лобъ свой покрытый потомъ, улыбался самъ въ себѣ смѣшному безстыдству ласкателей, которые хотятъ увѣрить большихъ людей въ свѣтѣ, что волнуется въ крови ихъ не знаю какая тайная прелесть, которая сообщаетъ особѣ ихъ и всѣмъ ихъ побужденіямъ и дѣйствіямъ нѣкоторую величественность, нѣчто отличающее ихъ отъ простыхъ людей и при-

принуждающее сихъ послѣднихъ какъ бы силою къ невольному почтенію. Кто скажетъ, что сей младый поселянинъ есть сынъ царскій, говорилъ онъ самъ себѣ? Онъ пригожъ; очи его исполнены живости; черты его означаютъ чувствительную и недремлющую душу; но выключая меня, никто не видитъ въ немъ ничего болѣе, какъ сына поселянина, рожденнаго для воздѣлыванія земли; самъ онъ совершенно увѣренъ, что *Гизумъ* сосѣдъ нашъ есть несравненно лучше его.

Сіе примѣчаніе нелестно для царскихъ дѣтей, сказалъ Шах-Жебалъ, и признаюсь, что я никогда онаго не дѣлалъ; а теперь по учиненіи онаго, кажется оно справедливымъ. Стихотворцы и писатели романовъ, которые хотятъ заставить насъ вѣрить такимъ вещамъ, достойны нѣсколькихъ дюжинъ ударовъ палкою по пятамъ; ибо я бьюсь, что они сами ни слову изъ онаго не вѣрятъ.

Въ семъ родѣ жизни, въ которомъ воспиталъ его мнимый отецъ, младый Тифанъ лишился онаго нѣжнаго лилейнаго и розоваго цвѣта, онаго любезнаго вида, который бы его безъ сомнѣнія отмѣнилъ отъ другихъ сыновъ земли, есть ли бы онъ воспитанъ былъ при дворѣ. Но вмѣсто того получилъ онъ твердое и крѣпкое тѣло, цвѣтъ смуглый мущины, кровь свѣжую, и губы, которыя онъ не былъ принужденъ кусать, что бы сдѣлать ихъ краснѣйшими кораллов.

Между тѣмъ премудрый Ченгисъ весьма удаленъ былъ отъ того, что бы опустить изъ виду то, къ чему мнимый его сынъ назначенъ отъ породы своея. Тифанъ болѣе ему стоилъ, нежели что бы удовольствовался онъ воспитать его единственно такъ, что бы онъ былъ простымъ хорошимъ поселяниномъ. Поступокъ, который употреблялъ несмысленный Исфандіаръ къ низверженію наискорѣе, сколько

но возможно, государства въ пропасть, дѣлалъ то больше, нежели вѣроятнымъ, что Тифанъ найдется принужденнымъ можетъ быть ранѣе, нежели къ тому пріуготовится, показать свое право на корону Шешіанскую. И такъ Ченгисъ представлялъ себѣ не меньше, . . и простое намѣреніе имѣетъ уже въ себѣ зло, столько оно имѣетъ противъ себя общее предразсужденіе . . какъ воспитать младаго Тифана посредѣ пастуховъ и земледѣльцевъ, что бы былъ добрымъ Государемъ, не открывая ему своего намѣренія, покуда не пришло время. Убѣжденъ будучи, что *доброта сердца безъ премудрости столькожъ малая добродѣтель, какъ знаніе безъ добродѣтели не есть премудрость*, Ченгисъ старался нечувствительно возвысить познаніе своего воспитанника, ограниченныя понятія, впечатлѣвавшіяся въ душѣ его отъ предметовъ окружавшихъ его, къ высокимъ понятіямъ *гражданскаго общества*, че-

человеческаго рода, естества, всего, и непостижимаго но покланяемаго своего Творца. Въ тожъ самое время старался онъ содержать въ немъ чувствіе хорошаго и добраго, возбуждать любовь человечества, и всѣ пріязненныя склонности и обратить оныя въ навыки. *Всякое нравственное совершенство* человѣка, къ какому бы состоянію природа его ни произвела, зависитъ отъ того, что бы сіи понятія обладали его разумомъ, а чувствія изъ нихъ образующіяся, его сердцемъ. Но оно необходимо нужно наипаче для того человѣка, который призванъ содержать нравственный порядокъ въ какой нибудь особенной части всеобщаго человѣческаго общества. Нещастливы его подданные и онъ самъ, есть ли не тронута его душа даже до восхищенія понятіемъ о стройности и благополучіи общественномъ! Есть ли права человѣчества не столько же священны и ненарушимы для него какъ и свои

соб-

собственныя! Есть ли законы природы, впечатлѣнныя въ сердцѣ его неизглаждаемыми писменами не управляютъ имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ! Словомъ, нещастливъ тотъ народъ, котораго Государь, не желалъ бы лучше называться *наилучшимъ изъ человѣковъ*, *нежели наимощнѣйшимъ изъ Государей*! Сіи понятія не суть мечтанія нѣкоторыхъ пустынныхъ умозрителей; великое нещастіе для рода человѣческаго, есть ли великіе и могущіе почитаютъ оныя таковыми! Но природа вещей не зависитъ отъ мнѣнія великихъ, такъ какъ щастіе или нещастіе человѣчества. Они не могутъ воспятить, что бы натура не наказывала непосредственно за всякое презрѣніе законовъ ея (*). Есть ли

 нашъ

(*) Наисовершеннѣйшіе законы, говоритъ *Сократъ*, суть тѣ, кои не можно преступить безъ наказанія, поколику они наказываютъ насъ естественными и неизбѣжными слѣдствіями своего пре-

нашъ шаръ долженъ стоять таковъ, каковъ онъ есть нѣсколько тысячъ лѣтъ, то исторія будущихъ времен совокупится съ исторіею прошедшихъ вѣковъ, для показанія Государямъ, что каждая эпоха, въ которой основательныя сіи понятія затмѣны были облаками, или сія бла-

преступленія. Онъ доказываетъ Софисту Антифону, что *законы природы*, или что тоже самое, *всеобщіе законы Божіи*, имѣютъ сіе различительное свойство. Смотри *Ксенофонтовъ характеръ и достойныя примѣчанія рѣчи Сократа* К. IV. Законы природы и общественныя жизни суть правила Государей, отъ коихъ они никогда отклониться не могутъ безъ наказанія. Всеобщая исторія есть комментарій на сію великую истинну; и не восходя далѣе въ древность, на пр. жизнь Филиппа II. и Людовика XIV, трагическая смерть Карла I. Короля Аглинскаго, и судьба сына его Іакова II. представляютъ намъ довольно примѣровъ въ объясненіе и подкрѣпленіе оныя.

благотворительныя положенія не признаны за то, что онѣ суть, то есть за ненарушимый законъ Царя Царей, была эпоха общественнаго бѣдствія, поврежденія нравовъ, угнѣтенія и истребленія общаго, смятенія, *время нещастное для народовъ и опасное для Государей.*

Данишемендъ былъ, какъ видно, превосходно расположенъ для проповѣданія нравоученія Государямъ; но по нещастію наставленія его не преминовали никогда усыплять Султана его Государя. Честный Докторъ хотѣлъ лишь начать новое разсужденіе, какъ примѣтилъ, что слушатели его каждый въ особенномъ положеніи, погружены были въ глубокомъ усыпленіи. Возможно ли, говорилъ онъ самъ съ собою, что бы нравоученіе мое имѣло такую усыпительную силу! Я не понимаю сего; надобно, что бы одинъ изъ очарователей, моихъ враговъ, былъ въ томъ участникомъ. Иначе не возможно тому быть.

V.

Понятія, сказалъ Данишемендъ, продолжая исторію о воспитаніи Тифана, которыя сей младый Принцъ получилъ отъ премудраго Ченгиса, не могли не произвесть великихъ дѣйствій въ разумѣ и сердцѣ его, сообщая первому всякое *просвѣщеніе*, а другому всю правоту, которую они должны естественно сообщить неповрежденной душѣ. Послушаемъ сихъ положеній . . .

„Всѣ люди суть братія между „собою, и всѣ получили отъ при„роды однѣ нужды, однѣ права и „однѣ должности.„

„Существенныя права человѣче„ства не могутъ быть погублены ни „случаемъ, ни насильствіемъ, ни дого„воромъ, ни отказомъ, ни предписа„ніемъ. Онѣ теряются только съ са„мою натурою человѣческою. Не можно „также вообразить никакія нужныя „или случайныя причины, которая „бы могла свободить человѣка отъ „*существенныхъ* его *должностей*, „въ какихъ бы обстоятельствахъ „онъ ни находился.„

„Вся-

„ Всякій долженъ другому тѣмъ, „ чего онъ можетъ самъ ожидать „ отъ него въ равномъ случаѣ:

„ Никто не имѣетъ права дѣлать „ своимъ невольникомъ другаго чело- „ вѣка: „

„Могущество и сила не даютъ никакого „ кого права подвергать себѣ безсиль- „ ныхъ, но налагаютъ на ихъ об- „ ладателей только естественную „ должность ихъ защищать: „

„ Для стремленія къ благотво- „ рительству, сожалѣнію, и помощи „ другимъ, человѣкъ не имѣетъ ну- „ жды въ иномъ титлѣ кромѣ „ сего, что онъ человѣкъ: „

„ Человѣкъ, который бы захотѣлъ „ требовать отъ другихъ, что бы „ его питали и одѣвали изрядно, . . . „ что бы они состроили ему велико- „ лѣпный домъ и доставляли всѣ „ возможныя исправности, . . . что „ бы промышляли ему на счетъ сво- „ его спокойствія, удовольствій и „ нуждъ всѣ возможныя увеселенія, . . . „ что бы трудились безпрестанно,

да-

„ дабы избавить его отъ всякаго „ труда, . . . что бы сами доволь„ ствовались самыми нужными вещь„ ми, что бы возмочь ему удоволь„ ствовать до безумія чрезмѣрныя свои „ сластолюбія, . . . однимъ словомъ, „ что бы жили они только для не„ го, и что бы были готовы каж„ дую минуту къ доставленію ему „ сихъ выгодъ, къ подверженію се„ бя всякимъ родамъ мученій и „ бѣдности, голоду, жаждѣ, сту„ жѣ и зною, отсѣченію членовъ „ своихъ, и самой ужаснѣйшей смер„ ти. . . . *Такій человѣкъ, кото„ рый желаетъ сего отъ двацати „ милліоновъ людей*, не почитая „ себя одолженнымъ дѣлать имъ „ такія же услуги, былъ бы несмы„ сленъ. Онъ не можетъ надѣять„ ся столь вздорныхъ вещей, развѣ „ отъ такихъ людей, кои еще и „ его самого несмысленнѣе „.

Сіи положенія и тысящи другихъ подобныхъ сему, непосредственно отъ сихъ проистекающія

ющія, младый Тифанъ нашелъ начертанныя въ своей душѣ рукою самыя природы. Сіи были тѣ чувствія, которыя премудрый Ченгисъ наставлялъ его обращать въ положенія, убѣдительной которыхъ силѣ разумъ его могъ столь же мало противиться, сколько зависѣло отъ него почитать день ночью, или теплое холоднымъ. Онъ не нашелъ въ сердцѣ своемъ никакого предразсужденія къ уничтоженію дѣйствія сихъ истинъ. Все что ни окружало его, нетокмо не разрушало и не угашало, но еще просвѣщало и украшало оныя; и какъ Ченгисъ тщательно остерегался объявить ему о сей нещастной и ненавистной истинѣ: „Что по непонятному почти слѣдствію поврежденія раз„ума и воли, большая часть людей „допустили съ собою поступать „даже до сего времени такъ, какъ „бы противное всѣхъ сихъ истинъ „было извѣстно„: то душа его такъ привыкла къ сему роду мысли,

что царствовавшій тогда при дворѣ Шешіанскомъ, показался бы столь несмысленнымъ и вздорнымъ, какъ естьли бы кто хотѣлъ увѣрить его, что снѣгъ черенъ, или что можно прохладиться отъ полуденнаго солнечнаго зноя въ жаркой печи.

Онъ уже былъ осьмнатцати лѣтъ, прежде нежели малѣйшее имѣлъ еще понятіе о томъ, что можно было иначе мыслить, нежели какъ натура и Ченгисъ его научали; прежде нежели еще зналъ, что есть нужда и угнѣтеніе, или когда могъ представить себѣ о художественномъ благополучіи, основанномъ на бѣдности другихъ. Ченгисъ снабдилъ память его множествомъ повѣстей, одъ и изрѣченій лучшихъ Шешіанскихъ стихотворцевъ; но сіи разные отрывки представляли только невинность нравовъ, сіи стихотворенія были изліяніе чистаго и непорочнаго сердца; а сіи изрѣченія были

были законы естества и разума въ своей чистотѣ; все было достойно златаго вѣка.

Младый Принцъ достигъ наконецъ того возраста, въ которомъ натура чрезъ открытіе наисильнѣйшія изъ всѣхъ нашихъ страстей прилагаетъ нѣкоторымъ образомъ послѣднюю руку къ человѣку, и дѣлая его чрезъ то же средство орудіемъ собственнаго своего щастія и сохраненія своего рода, она его научаетъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, что она такъ сопрягла собственное его благополучіе съ общественнымъ добромъ, что не можно раздѣлить одно отъ другаго безъ уничтоженія обоего. Любовь, сіе удивительное побужденіе, которое натура вліяла, что бы служило оно дѣйствительнымъ средствомъ частнаго и общаго человѣческаго благополучія, представляется ему подъ видомъ небеснаго Геніуса, что бы направить его на путь земнаго назначенія, и устлать сей путь роза-

ми. Чрезъ любовь онъ получаетъ почтенное имя супруга и отца. Она согласуетъ всѣ его пріязненныя склонности въ любви къ супругѣ, которая есть половина его самого, и въ любви къ своимъ дѣтямъ, въ которыхъ онъ видитъ себя возобновленна и умноженна. Такимъ образомъ она бываетъ основательницею домашнихъ обществъ, которыя суть начатки гражданскихъ, и отъ учрежденія которыхъ блаженство народа зависитъ такимъ образомъ, что не можно понять ослѣпленія законодавцевъ, непочитавшихъ, какъ было имъ должно, *сего великаго установленія натуры*, и непочерпнувшихъ всѣхъ выгодъ, какія были возможны. Добродѣтельный и премудрый Ченгисъ зналъ натуру и почиталъ оную. Онъ взиралъ съ удовольствіемъ на возрастающую постепенно склонность, которую вдыхали въ младаго Принца красота и невинность младыя пастушки, коея родители были его сосѣди. Онъ неопа-

опасался, что бы она препятствовала мнимому его сыну въ приращенiи добродѣтелей и существенныхъ дарованiй къ будущему его званiю. Онъ не думалъ также противиться сей возникающей любви, подъ видомъ, что Тифанъ былъ Принцъ, а *Тилiя* дочь простаго поселянина. Таковая мысль тѣмъ менѣе могла притти ему на умъ, что Государи Шешiанскiе сочетавались всегда со дщерями своихъ подданныхъ. Тилiя была подлинно столько любезна, сколько *дщерь натуры* быть можетъ. Особенная склонность, открывшаяся между ими съ младенчества ихъ, казалось подтверждала, что они назначены содѣлать щастiе одинъ другаго. Ченгисъ не опустилъ употребить въ пользу склонность мнимаго своего сына, что бы привесть въ зрѣлость плоды столько же простыя, какъ и высокiя Философiи, которыми онъ до тѣхъ поръ питалъ душу его. Онъ открылъ младому Тифану въ разговорахъ, исполненныхъ дружества,

новыя чувствія, имъ испытанныя. Онъ показалъ ему въ оныхъ гласъ натуры, побуждавшій его къ исполненію существенныя части его назначенія, и наставилъ его въ почтенныхъ и трогательныхъ должностяхъ. Тифанъ сдѣлался супругомъ, не престая быть любовникомъ; онъ учинился отцемъ, и въ ту минуту, какъ онъ прижималъ къ персямъ своимъ первые плоды непорочныя любви, почувствовалъ, что и въ самыхъ объятіяхъ прекрасныя Тиліи не зналъ онъ еще наипріятнѣйшихъ движеній природы.

Примѣчено издавна, что возторженное состояніе, въ которое первая любовь приводитъ прекрасную душу, возноситъ оную при каждомъ разсужденіи выше того, что человѣкъ есть обыкновенно, и кажется, что нѣкоторые древніе мудрецы побуждены были чрезъ то сдѣлать изъ любви Геніуса, который даетъ душѣ новыя чувства къ тому, что

до-

добро и прекрасно, и который учреждаетъ родъ непосредственнаго согласія между ею и всѣмъ тѣмъ, что есть божественно. Сіе по крайней мѣрѣ кажется извѣстнымъ, что мы испытываемъ въ семъ родѣ очарованія большую чувствительность ко всему прекрасному, большую способность къ исполненію каждыя добродѣтели, вышшій степень общественныя любви, больше нежели обыкновенную склонность ко всему отмѣнному, мысли пространныя и высокія; такъ что по видимому нѣтъ способнѣйшаго времени ко впечатлѣнію въ младой душѣ познанія верьховнаго существа.

Надобно, что бы премудрый Ченгисъ сдѣлалъ сіе примѣчаніе; ибо онъ избралъ съ намѣренія сіе обстоятельство, дабы внушить своему воспитаннику чистыя и высокія чувствованія о законѣ. Онъ почиталъ ихъ нужными для доставленія душѣ непоколебимыя подпоры, страстямъ сильнаго равновѣсія, а

добродѣтели найсильнѣйшаго ободренія. Самыя здравыя понятія, какія можемъ мы почерпнуть изъ источника природы, суть весьма несовершенны безъ понятія о безконечно совершенномъ творцѣ и сохранителѣ натуры. Какое различіе между узкимъ кругомъ, въ которомъ заключена животная чувственность, и безпредѣльнымъ *исемъ*, поражающимъ изумленный духъ, какъ скоро онъ признаетъ Создателя вселенныя, котораго благотворительное могущество столько же неограниченно какъ и разумъ его! Ченгисъ имѣлъ о верьховномъ существѣ самыя сіи чистыя понятія, которыми древніе мудрецы одолжены долговременному наблюденію натуры, и можетъ быть непосредственному обращенію съ существами вышшаго степени. Понятія, которыя долго хранились у Философовъ восточныхъ, и не могли быть совсѣмъ изглаждены чрезъ всякіе вздоры, суевѣрія и идолопоклонства. Верьховное существо, говорилъ

рилЪ ЧенгисЪ младому Тифану, есть по истиннѣ не видимо нашимЪ чувствамЪ, но не нашему духу, который какЪ скоро вЪ довольную придетЪ зрѣлость, что бы примѣчать на пространномЪ театрѣ натуры, окружающія насЪ, порядокЪ и согласіе, общіе законы, благотворительныя намѣренія и благоразумно избранныя средства, то онЪ столь мало сумнѣваться можетЪ о бытіи верьховныя премудрости и благости, которая есть душею сея пространныя вселенныя, какЪ и о бытіи собственныя своея души, которая также не подвержена чувствамЪ его. МірЪ, во всѣхЪ своихЪ извѣстныхЪ намЪ частяхЪ, весьма несовершенЪ, что бы быть ему верьховнымЪ существомЪ; но разсуждаемЪ будучи вЪ своей цѣлости, онЪ весьма великЪ и удивителенЪ, что бы не быть твореніемЪ существа безконечнаго. ВЪ семЪ послѣднемЪ случаѣ, бытіе наше, способности наши чувствовать, мыслить, дѣйство-

ствовать, и учиниться верьховноблаженными, чрезЪ доброе употребленіе оныхЪ, непрестанныя попеченія всея натуры о сохраненіи, довольствіи и пользѢ человѢковЪ суть неоцѢненныя благодѢянія, которыми мы одолжены Творцу вселенныя. Сіе отношеніе всеобщаго благодѢтеля есть первая цѢль, подЪ которою можемЪ мы взирать на верьховное существо. Разсматриваніе удивительнаго порядка, царствующаго вЪ сей вселенной, сотворенной изЪ безчисленности различныхЪ частей, приводитЪ насЪ кЪ понятію о частномЪ концѢ для каждаго вида и о общемЪ для всея системы творенія. Сія связь концевЪ, которые имЪ суть общи, доводитЪ насЪ кЪ различнымЪ отношеніямЪ существЪ однихЪ вЪ разсужденіи другихЪ; и оттуда родится наконецЪ понятіе о частныхЪ и общихЪ законахЪ естества. ЧеловѢкЪ, который не видя на особенномЪ театрѢ, на коемЪ находитЪ себя поставлена,

ия, никакого рода совершеннѣе своего собственнаго, есть однако со всѣми своими способностями и преимуществами въ неизбѣжной зависимости отъ всего, его окружающаго. Надобно, что бы вся натура соединила свои силы для сохраненія его бытія ежеминутно. Самое бѣднѣйшее пресмыкающееся, самая маленькая песчинка довольно сильна поколебать его щастіе, мучить его и отнять у него самую жизнь. Правда, что вся натура споспѣшествуетъ къ сохраненію его! но должно оную къ тому принуждать. Безъ старанія его, безъ неусыпныхъ трудовъ, сія планета, которую онъ долженъ населять, скоро бы учинилась необитаемою пустынею.

Но какимъ образомъ *человѣкъ одинъ* можетъ исполнить сію должность? Явственно, что *весь родъ* долженъ соединиться для защищенія натуральныя власти, которую имѣетъ онъ на земли. Всякій находитъ особенное свое благополучіе и частную свою

 без-

безопасность единственно въ наисовершеннѣйшемъ и щастливѣйшемъ состояніи всего рода. *Отъ сего происходятъ сіи всеобщіе законы естества человѣческаго*, которые, чрезъ раздѣленіе людей на частныя общества, были по истиннѣ помрачены и повреждены безконечно, но которые не престанутъ для того быть законами нужными и необходимыми для каждаго, покуда человѣкъ не сыщетъ средства дать себѣ новую натуру. Чувствительное доказательство нужности сихъ законовъ есть то, что люди всякій разъ, когда преступаютъ оныя, бываютъ наказываемы непосредственными слѣдствіями, происходящими изъ ихъ дѣйствій. Они бываютъ нещастны и бѣдны по мѣрѣ, сколь они были невѣрны должностямъ природы. Сіе разсужденіе представляетъ намъ верьховное существо подъ новымъ видомъ. Творецъ естества есть и *законодатель онаго*; и чрезъ то самое, поколику наблюденіе или преступленіе законовъ его

есть

есть необходимое условіе благополучія или неблагополучія нашего, „мы признаемъ въ его законоположеніи купно Творца естества, благодѣтеля человѣковъ, и самый совершеннѣйшій умъ„. Но разумъ не остановляется еще при семъ. Человѣкъ испытываетъ въ самомъ нѣдрѣ благополучія, какое ему можетъ принести мудрое наслажденіе внѣшними предметами, что они не могутъ доставить ему *совершеннаго благополучія*, котораго онъ желаетъ; и надежда его столь часто обманутая, заставляетъ его наконецъ обратить взоръ къ *непреходящему благу*, которое есть начало и источникъ всего того, что есть добро и прекрасно. Онъ думаетъ, что усматриваетъ въ немъ конецъ всѣхъ своихъ желаній, и въ непосредственномъ соединеніи съ нимъ верьховную цѣль бытія всѣхъ видимыхъ существъ. При сей высокой мысли, душа видитъ распростирающійся кругъ своея дѣйствительности,

и

и по ту сторону границъ жизни сея, въ которой ничего нѣтъ вещественнаго кромѣ одной настоящія минуты, въ которой будущее неизвѣстно, и прошедшее яко сонъ, око его открываетъ щастливѣйшія времена. И такъ существо существъ представляется ему подъ третіимъ видомъ какъ *верьховное благо и послѣдній конецъ всѣхъ сотворенныхъ духовъ*. Каждое изъ сихъ отношеній божества къ человѣкамъ, доказываетъ ясно, что понятіе о безконечномъ духѣ есть и должно быть во внутренней системѣ души, точно то же, что солнце въ пространномъ округѣ творенія, около насъ находящагося. Сіе то понятіе подаетъ душѣ нашей *свѣтъ и теплоту*, дабы могла разцвѣсть каждая добродѣтель и каждое совершенство, и дабы оныя могли притти въ совершенное созрѣніе. Пріятное привлекательство симпатіи, которая насъ побуждаетъ сорадоваться или сострадать о другихъ тваряхъ, есть нѣчто болѣе, не-

нежели простое механическое побужденіе. Всеобщая благость, нѣжное участіе, которое мы беремъ въ жребіи существъ единаго съ нами рода, попеченіе, которымъ мы стараемся избѣгнуть всѣхъ сраженій, чрезъ кои можемъ потревожить спокойствіе и благополучіе ихъ, горячее стараніе дѣлать имъ пользу и соединять оную съ нашею, . . . всѣ сіи вещи, разсматриваемыя при свѣтѣ, который понятіе о божествѣ изливаетъ на насъ, суть законы всемогущаго и благотворительнаго всѣхъ міровъ владыки; законы, отъ повиновенія которымъ ничто насъ уволить не можетъ; слѣдовать онымъ есть исполнять конецъ нашего бытія.

Такія были положенія о законѣ, которыя мудрый Ченгисъ открывалъ въ душѣ младаго Тифана; и наставленіе, которое онъ ему давалъ о почитаніи верьховнаго существа, заключало подобныя понятія. Наслаждаться благодѣяніями его съ бла-

благодарностію, и повиноваться искренне законамъ его, говорилъ Ченгисъ, есть единое истинное почитаніе, которое мы можемъ воздать существу, не имѣющему въ насъ нужды, кромѣ развѣ того, что сотворилъ насъ, да бы мы были орудіями благотворительныхъ и высокихъ намѣреній его.

Не удивляетесь ли вы многоразличнымъ дарованіямъ друга нашего Данишеменда, сказалъ Шах-Жебалъ прекрасной Нурмагалѣ? Я вижу, что въ нуждѣ онъ столь добраго Имана представить можетъ, какого можетъ быть никогда не бывало при дворѣ Султанскомъ. Но для сего дня, довольно Данишемендъ. Въ первый разъ какъ спросится о твоемъ Тифанѣ, вспомни, что ты мнѣ сдѣлаешъ услугу, есть ли скорѣе какъ можно приступишъ къ главному дѣлу.

VI.

Изъ всего, что могу я вспомнить о томъ, что ты намъ ска-

сказалъ съ обыкновенною твоею обширностію о воспитаніи младаго Тифана, сказалъ Шах-Жебалъ, когда Данишемендъ приготовлялся продолжать повѣсть свою, возможно, что Тифанъ въ рукахъ честнаго Ченгиса сдѣлался добрымъ человѣкомъ; но съ твоего позволенія, я не вижу еще, какимъ образомъ онъ могъ учиниться чрезъ оное великимъ Государемъ, каковаго заставилъ ты насъ ожидать.

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, я прошу только имѣть еще немного терпѣнія, и я увѣренъ, что чрезъ нѣсколько дней не останется вамъ никакого сомнѣнія о семъ пунктѣ.

Величество и возвышеніе, къ которому Ченгисъ старался привести понятія своего воспитанника, заставляли его подать ему въ то же самое время совершенное познаніе о *общественной жизни*, о томъ, что называется *великимъ государствомъ*, и о *учрежденіи*, *полиціи* и *управленіи онаго*. По учиненіи, и по пока-

казаніи младому Тифану, какимЪ образомЪ сей земный шарЪ долженЪ быть управляемЪ, по справедливымЪ понятіямЪ о натурѢ и опредѢленіи человѢка, онЪ мало по малу внушилЪ ему, какимЪ образомЪ можетЪ сдѢлаться, что бы все сіе было иначе, нежели какЪ должно быть. ОтЪ зримаго понятія о маломЪ селеніи, вЪ которомЪ онЪ препроводилЪ первые свои годы, онЪ его привелЪ постепенно до сплетеннаго понятія о великой монархіи, отЪ простаго сельскаго домостроителя кЪ общему владычеству всего Шешіана. ПринцЪ слѢдовалЪ ему безЪ всякаго труда во всѢхЪ его наставленіяхЪ; но ЧенгисЪ тѢмЪ большее имѢлЪ затрудненіе вразумить ему явственно, какимЪ образомЪ общій отецЪ народа могЪ учиниться владыкою, а изЪ сего, сЪ малою перемѢною, тиранномЪ.

Младый ПринцЪ немало ужаснулся, услышавЪ, что прекрасныя понятія о невинныхЪ людяхЪ и златомЪ

томъ вѣкѣ, которые состарѣлись съ нимъ, были одни только *золотыя мечтанія*, изъ которыхъ малое путешествіе по свѣту можетъ его извести непріятнымъ образомъ.

Желаніе учинить путешествіе, которое бы ему открыло столько новыхъ вещей, возрастало каждый день съ наисильнѣйшимъ желаніемъ отвратить всѣ нещастія подобныхъ себѣ. Ченгисъ тѣмъ удобнѣе согласился на его намѣреніе, что весьма нужно было доставить ему совершенное и дѣйственное понятіе о всѣхъ злоупотребленіяхъ, безпорядкахъ и нещастіяхъ отъ того происходящихъ, въ разсужденіи томъ, что онъ назначенъ былъ къ прекращенію оныхъ по крайней мѣрѣ въ знатной части свѣта. Притомъ превосходныя начала воспитанія его весьма глубоко вкоренились въ душѣ его, такъ что нѣчего было опасаться заразы онаго вѣка. Онъ ожидалъ напротивъ того, что взоръ всѣхъ бѣдствій, которыя люди при-

влекли на себя удаляясь отъ правилъ природы, тѣмъ живѣе убѣдитъ младаго Тифана о необходимой нужности послѣдовать симъ спасительнымъ законамъ.

Сколько ни имѣлъ Тифанъ труда свободиться изъ объятій своея супруги и чадъ своихъ, но нетерпѣливость научиться узнать лучше свѣтъ, преодолѣла нужныя движенія природы. И такъ онъ оставилъ въ первый разъ спокойную хижину, въ которой не знаемъ будучи другими препреводилъ благополучную невинность своея младости. Въ провожаніи вѣрнаго Ченгиса объѣздилъ онъ въ два года большую часть Асіи. Научился знать природу подъ тысящею новыхъ образовъ, и былъ изумленъ видя множество удивительныхъ вещей, чрезъ которыя искусство старалось подражать натурѣ и иногда превзойти и поправить оную. Но болѣе онъ удивился, увидя, что бѣдное состояніе народовъ вездѣ тѣмъ было болѣе, чѣмъ болѣе

лѣе натура и искуство казалось соединялись, что бы содѣлать ихъ благополучными. Самыя прекрасныя и плодоносныя провинціи были всегда тѣ, въ которыхъ народъ немилостиво былъ угнѣтаемъ. Тифанъ взиралъ съ негодованіемъ на Государей, расточавшихъ имущества своихъ подданныхъ на вздорныя и чрезвычайныя роскоши, такъ какъ бы похищенную у непріятеля добычу; Государей, кои проливали драгоцѣнную человѣческую кровь на губительныхъ войнахъ, и которые раззорили шесть цвѣтущихъ провинцій, что бы завоевать седьмую, защищеніе которыя препятствовало имъ увѣрить народы свои выгодами десятилѣтняго мира. Видѣлъ онъ Государей, которые по совершенной неспособности исполнять должность свою, принуждены были оставить наложницамъ и любимцамъ управленіе государства, и между тѣмъ, какъ вели они безславную свою жизнь въ праздности и чувственныхъ

услажденіяхЪ, не стыдились слушать, что бы голодные и ненасытные ласкатели сравнивали ихЪ сЪ наилучшими Государями да и сЪ самымЪ божествомЪ. ВидѢлЪ онЪ малыхЪ Раіевъ, приводящихЪ себя самихЪ и подданныхЪ своихЪ вЪ нищету, что бы снискать при великомЪ всѢхЪ презрѢніи смѢшную славу, что они такіе же вели росходы какЪ и самые великіе Государи Асіи. ВидѢлЪ онЪ добраго и любезнаго Государя, дѢлающаго нещастіе своихЪ подданныхЪ единственно по тому, что злый ГеніусЪ вдохнулЪ вЪ него общую недовѢренность ко всему тому, что его ни окружало. СловомЪ, онЪ научился знать СултановЪ, Визирей, ОмревЪ, МандариновЪ, МоллЪ, Дервишей и БонзЪ своего времени, и не удивлялся теперь болѢе, видя бóльшія части Асіи паденіе, предвѢщающее скорую и всеобщую гибель. При всемЪ томЪ сдѢлалЪ онЪ тысячу полезныхЪ примѢчаній. Часто, подЪ незнатною кровлею видѢлЪ

дѣлъ онъ мудраго и честнаго человѣка, неизвѣстный и презрѣнный даръ; и Ченгисъ не опускалъ никакого случая наставлять его дѣлать прикладъ своихъ положеній. Онъ употреблялъ случай отъ внѣшнихъ приключеній приводить его къ источнику, и заставить его чувствовать, что вотще ищутъ средствъ къ отвращенію настоящихъ золъ, покуда причина оныхъ не истреблена, или что оная не можетъ быть истребленною, какъ сіе есть случай многихъ государствъ. Онъ ему показалъ тѣмъ внятнѣйшими примѣрами, что оные непосредственно обращались предъ его очами, что нѣтъ ничего простѣе науки управлять разумно, и что ме́ньшаго стоитъ труда учинить благополучнымъ народъ прямымъ путемъ, нежели погубить оный чрезъ тысячу кривыхъ путей, покрытыхъ видомъ правосудія и правоты. Онъ заставилъ его примѣтить, что вездѣ, гдѣ народъ угнѣтается, и го-

государство худо управляемо, самъ Государь колеблемъ несчетными беспокойствами, мучимъ заботами, окруженный неудобствами, осужденный, что бы зависѣть постыднымъ образомъ отъ корыстолюбивыя вѣрности и лукавствъ наиподлѣйшихъ изъ своихъ невольниковъ, обремененный ненавистію своихъ подданныхъ и презрѣніемъ вселенныя, ... между всѣми нещастными, которыхъ онъ сдѣлалъ, есть самый нещастнѣйшій. Наконецъ сіе путешествіе учинилось для младаго Тифана училищемъ, въ которомъ онъ, самъ не зная, научался наукѣ царствовать. Но что не меньшаго достойно вниманія, сіе путешествіе столь учительное для него и столь полезное для Шешіана, едва въ два года стоило того, что обыкновенно издерживаютъ въ восемь дней всѣ наложницы, Арапы, танцовщицы и слоны, которые слѣдуютъ за Государемъ Сіамскимъ изъ одного увеселительнаго дворца въ другій.

Здѣсь сочинитель Китайскій, которому мы слѣдуемъ, перервалъ самъ свою рѣчь, что бы показать намъ, что путешествія Принца Тифана уступили мѣсто разговорамъ между Султаномъ Жебаломъ, прекрасною Лиліею и Философомъ Данишемендомъ. Рѣчь происходила о путешествіяхъ, предпринимаемыхъ нѣкогда младыми Государями; но сочинитель Китайскій не разсудилъ за благо перевесть ихъ разговоръ, потому что Государи Китайскіе, что бы не оставить обыкновенія, принятыя ими отъ глубокія древности, не посылаютъ никогда сыновъ своихъ путешествовать въ чужія земли. Все то, что онъ намъ объявляетъ о томъ, есть. . . что Шах-Жебалъ изъяснился нешуточно и справедливо противъ сихъ *путешестпій Государей*, и что онъ принялъ отъ того случай разгорячиться съ колкимъ насмѣхательствомъ на нѣкоторыхъ Государей своего времени, кои подвергали

взору всѣхъ людей глупость и худое воспитанie свое употребляя чрезвычайные росходы при путешествiи по главнымъ Асiи государствамъ, . . . при семъ Данишемендъ, какъ будто бы вдругъ проснувшись отъ сна, обратился къ Государю своему Султану и сказалъ ему: но что бы сказали Ваше Величество о великомъ Государѣ, который бы возымѣлъ великодушie исторгнуться отъ веселостей двора, отъ прелестей юношества и верьховнаго могущества, отъ сладострастныя праздности, въ которой младые Государи обыкновенно погубляли наипрекраснѣйшее время своея жизни, и предприняшь въ образѣ особеннаго человѣка долгiя и трудныя путешествiя, ... что бы сдѣлаться мудрѣйшимъ и лучшимъ, что бы научиться познавать людей, которыхъ Государь видитъ обыкновенно *подъ личиною*, въ естественномъ ихъ видѣ, . . . и что бы свободнѣе и совершеннѣе наслаждаться *удовольствiемъ, что бы быть чело-*

вѣ-

пѣкомъ, и пріятностію любиму быть за личныя свои качества? Что бы сказали вы, есть ли бы сей Принцъ въ провожаніи малаго числа друзей, безъ пышности, безъ расточенія, безъ двадцатыя части тоя свиты, которую обыкновенно великіе люди влекутъ за собою, протекъ все пространство своего государства, извѣдалъ самъ чрезъ себя, какимъ образомъ наблюдаютъ законы, какъ отдается правосудіе, въ какомъ состояніи находится общественная экономія; есть ли бы выслушалъ прозьбы каждаго просящаго, и есть ли бы своею благосклонностію возбудилъ повѣренность всѣхъ людей? Проходя стремительно предъ гордыми зáмками своихъ Омревъ, гдѣ ожидаемъ былъ со всѣми веселостями, пошелъ бы на крутыя горы, прошелъ непроходимые и снѣгомъ покрытые лѣса, что бы достигнуть сирыхъ хижинъ бѣдности, дабы окропить слезами человѣчества хлѣбъ скорби, котораго наиполезнѣйшая часть подданныхъ

ныхъ почитала себя щасшливою, есть ли имѣла довольно для пропитанія своего? И что скажете Ваше Величество, есть ли сей любезнѣйшій изъ всѣхъ Государей, и аки божество низшедшее съ неба между людьми, означалъ каждыя свои стопы благодѣяніями, поправилъ каждаго злоупотребленіе своимъ взоромъ, исправилъ недостатки, наказалъ злодѣяніе и ободрилъ заслуги?

Данишемендъ, Данишемендъ, . . вскричалъ Султанъ; что бы я сказалъ? . . . Я бы . . . остановился тутъ нѣсколько Его Величество, и прекрасная Нурмагаль трепетала отъ страха по честномъ, добромыслящемъ, но въ самомъ дѣлѣ весьма мало осторожномъ Данишемендѣ . . . Я бы сказалъ, продолжалъ наконецъ Султанъ, что надобно, что бы ты тотчасъ назвалъ мнѣ онаго великаго Государя, все сіе сдѣлавшаго.

Ваше Величество, отвѣчалъ раболѣпно Данишемендъ, я признаюсь чистосердечно, что есть ли Ваше Величество не рѣшитесь быть такимъ са-

сами, то я никого не знаю ни изъ предшественниковъ, ни изъ современныхъ вамъ, который бы все сіе исполнилъ. Но сердце мое предвѣщаетъ мнѣ, что понятіе о такомъ Государѣ, которое я въ сіе мгновеніе ощутилъ въ душѣ моей, какъ будто бы чрезъ вдохновеніе, не есть химера. Будетъ, хотя чрезъ многіе вѣки, конечно будетъ онъ для защищенія въ то же время славы премудраго промысла, для чести человѣчества и Государей; онъ придетъ, что бы быть утѣшеніемъ нещастному племени, примѣромъ Государямъ, любовію и веселіемъ всѣмъ человѣкамъ.

Добрая ночь, Данишемендъ, сказалъ Султанъ съ усмѣшкою; я вижу, что ты дурачишься. Пророкъ приказываетъ намъ взирать съ почитаніемъ на тѣхъ людей, которые въ такомъ же случаѣ находятся какъ и ты; однако мнѣ кажется, что пріемъ чемерики не будетъ тебѣ вредить, другъ Данишемендъ!

VII.

Младый Тифанъ о многихъ вещахъ пріобрѣлъ знаніе во время двугодичнаго путешествія; ибо онъ узналъ людей *такопыми*, *какопы они суть*; и твердость положеній, которыя онъ почерпнулъ въ натурѣ, прежде нежели Ченгисъ обтекъ съ нимъ свѣтъ, соблюла главу и сердце его отъ всѣхъ опасныхъ впечатлѣній, кои обыкновенно въ молодыхъ сердцахъ бываютъ слѣдствіями сраженія между *тѣмъ*, *что есть и что должно быть*. Словомъ, онъ убѣжденъ сталъ до непосредственнаго чувствованія, что люди виновны, что суть то, что суть.

„Есть ли не можно отрицать, „говорилъ онъ своему Ментору, что „они имѣютъ предъ другими жи„вотными превосходство разума, „то должно признаться, что они „столь во зло употребляютъ оный, „что можетъ быть лучше бы для „нихъ было лишенными быть сего „пагубнаго превосходства. Какое бы

„жи-

„ животное не было столь щастливо, „ какЪ человѣкЪ? Они разумны вЪ „ мѣлочахЪ, и несмысленны вЪ ве„щахЪ, отЪ которыхЪ зависитЪ „ благополучіе ихЪ жизни; остроум„ны, когда дѣло идетЪ о собствен„номЪ прекословіи, и весьма сла„бы тѣмЪ, что бы не попустить „ себя очевидно обманутымЪ быть „ отЪ другихЪ. Они могли бы быть „ *свободными*, они рождены „ быть такими; они сами себя убѣжда„ютЪ, что свобода есть необходи„мый договорЪ кЪ щастію и совер„шенству разумныхЪ существЪ; не „ смотря на сіе они суть невольники, „ и притомЪ столько, что изЪ дват„цати неограниченныхЪ Султа„новЪ едва ли находится одинЪ, „ который бы могЪ удержаться, что „ бы не быть невольникомЪ женЪ „ своихЪ, или того, кто пристав„ленЪ кЪ онымЪ, или еще „ другія какія презрительнѣйшія „ твари. „

Изряд-

Изрядное примѣчаніе, Тифанъ! сказалъ Султанъ Жебалъ, вспомня въ сіе мгновеніе о нѣкоторыхъ Султанахъ, имѣвшихъ нещастіе находиться въ такомъ случаѣ. Его Величество, восхищенный радостію, которую онъ имѣлъ, что на минуту не былъ подверженъ равнымъ слабостямъ, не вспамятовалъ, сколько разъ въ своей жизни находился онъ и самъ въ такомъ случаѣ.

,, Вольность, продолжалъ Тифанъ, которою люди столько хвалятся, столь мало для нихъ сдѣлана, что они, какъ скоро находятъ случай получить оную, не знаютъ употреблять столь драгоцѣнное благо на другое что, какъ только что бы вредить онымъ себѣ самимъ и другимъ. Одни свободные люди, которыхъ мы видѣли въ нашихъ путешествіяхъ, были разбойники и шатающіеся Бонзы. . . . . Они поступаютъ совсѣмъ противнымъ образомъ законамъ. Они притворно вѣрятъ,

,, что

„ что безЪ оныхЪ не можетЪ быть ни
„ порядка, ни безопасности, ни
„ частнаго или общаго благосостоя-
„ нія. И во всѣхЪ государствахЪ,
„ которыя мы видѣли, мы нашли
„ малое число нарушающихЪ оные
„ откровенно, а большее число удаляю-
„ щихся оныхЪ такЪ, чтобЪ не были
„ вЪ томЪ примѣчены. *Вѣра*, гово-
„ рили, есть наипочтеннѣйшая вещь
„ и наилучшая, какую небо могло
„ послать смертнымЪ; но мнѣ ка-
„ жется, что они ругались надЪ
„ своею вѣрою, какЪ и надЪ своими
„ законами. ИзЪ безчисленнаго чи-
„ сла БраминовЪ и БонзЪ, которы-
„ ми видѣли мы изобилующія стра-
„ ны, около Инда и Гангеса, нѣ-
„ сколько имѣется достопочтенныхЪ
„ мужей; но большая часть столь
„ явно противорѣчатЪ *ученію своему*
„ поступками своими, что неиначе
„ можно ихЪ почесть, какЪ хитры-
„ ми или несмысленными, которые
„ сами поглощаютЪ ядЪ, отЪ ко-
„ его другихЪ предостеречь хо-
„ тятЪ.

СЪ

„ Съ которыя стороны я ни раз„ сматриваю людей, то нахожу ихъ „ въ противоречіи съ самими собою. „ Они всегда употребляютъ столь „ неискусно или неучтиво то, чрезъ „ что могли бы они быть лучше и „ щасливѣе, что сіе бываетъ въ „ ихъ рукахъ орудіемъ ихъ бѣдно„ сти. Они притворяются, будто „ презираютъ плотскія сладостра„ стія, и предаются онымъ до на„ сыщенія, сколь часто только мо„ гутъ. Добродѣтель, говорятъ „ они, есть верьховное благо чело„ вѣка; и при всякомъ случаѣ про„ даютъ они свое высочайшее бла„ го, за . . . презрѣнный прибы„ токъ, или за пріятную минуту. „ Они для своея безопасности соста„ вили великія общества, и теря„ ютъ въ нихъ непримѣтно все „ то, что хотятъ привести въ „ безопасность. Они ласкаютъ се„ бя быть господами другихъ тва„ рей; всѣ стихіи, говорятъ они, „ состоятъ у насъ въ повелѣніяхъ,

„ свѣтъ

„ свѣтъ принадлежитъ намъ: и въ „ каждомъ милліонѣ сихъ обладате-„ лей свѣта есть по крайней мѣрѣ „ девять сотъ тысячь, которые бы „ свое участіе въ семъ великолѣп-„ номъ титлѣ охотно промѣняли на „ состояніе слоновъ Царя Сіам-„ скаго.

„ Что должно думать о толь „ рѣдкомъ родѣ твореній? Равен-„ ство ихъ съ неповинными и доб-„ рыми людьми, между которыми я „ воспитанъ, заключается ли толь-„ ко во внѣшномъ видѣ? Или какъ „ возможно отъ своего первобытнаго „ естества уклониться? Какую пользу „ приносятъ имъ всѣ ихъ мнимыя „ исправленія естественнаго состо-„ янія, ихъ законы, ихъ полиція, „ ихъ науки и художества, есть ли „ они тѣмъ бываютъ нещастнѣе, „ чѣмъ болѣе имѣютъ они средствъ „ къ доставленію себѣ благополуч-„ ныя жизни „?

Человѣкъ, отвѣчалъ Ченгисъ, выходитъ изъ рукъ природы несовершенъ, но съ способностію наиудивительнѣйшія пріобрѣтать совершенства. Таже самая гибкость дѣлаетъ его равно способнымъ принять на себя видъ божества или страшное чудовища изображеніе. Все зависитъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находится вступая въ свѣтъ, и отъ впечатлѣній, даемыхъ въ юности слабому его мозгу. Есть ли онъ пребываетъ самъ себѣ оставленъ: то склонности его возрастаютъ съ нимъ въ ужасной разпустности, а благороднѣйшія его способности остаются сокровенными. Живетъ онъ въ сообществѣ: то перенимаетъ непримѣтно языкъ, обыкновенія, нравы, мнѣнія, пользу и духъ особеннаго общества его окружающаго; и такимъ образомъ ядъ физическаго и нравственнаго поврежденія, есть ли онъ единожды проникнулъ въ сіе общество, разливаетъ-

ваеться по всей тяжести нечувствительно. Человѣкъ дѣлается добрымъ или худымъ, чистосердечнымъ или лживымъ, кроткимъ или безпокойнымъ, слабымъ или остроумнымъ, лѣнивымъ или дѣльнымъ по примѣру всегда его окружающихъ. Хотя нѣтъ ни единаго такого, который бы не удержалъ чего нибудь отъ существенныхъ расположенiй свойства, ему собственнаго, и съ которымъ природа его произвела; но сiе только служитъ въ большихъ обществахъ по большой части къ умноженiю числа нравственныхъ, смѣшныхъ и недостаточныхъ видовъ. Чѣмъ больше сiи общества, и чѣмъ больше онѣ замыкаютъ въ себѣ малыхъ обществъ, изъ коихъ онѣ, какъ круги въ системѣ свѣта, изобрѣтенной нашими звѣздочетцами, составлены, чѣмъ больше сiи различные малые круги другъ друга давятъ и жмутъ, чѣмъ больше страсти, преимущества и требова-

нія умножась спираются взаимно вЪ семЪ всеобщемЪ смятеніи, тЪмЪ больше теряется первобытпочный видЪ человЪка. Весьма малое и отЪ прочаго свЪта отдЪлившееся общество сохраняется безЪ труда при врожденной простотЪ и благости природы. НапротивЪ того совсЪмЪ невозможное дЪло, что бы нЪсколько милліоновЪ человЪкЪ живши вЪ посредственно обширномЪ государствЪ, или нЪсколько сотЪ тысячь обитая купно вЪ тЪснотЪ го́рода, не испортились взаимно вЪ весьма короткое время, есть ли *законодатель* особенное не прилагалЪ стараніе предупредить разумными учрежденіями сударені интересовЪ, а еще большее и страшнЪйшее зло, заразу нравовЪ.

А какЪ это могло сдЪлаться, спросилЪ ТифанЪ?

ЧрезЪ весьма простую осторожность, отвЪчалЪ ЧенгисЪ. Надлежить

житъ воспящать, что бы столица общирнаго государства не возрастала до безмѣрныя величины. Должно раздѣлять прилѣжно состоянія людей, коихъ разность происходитъ изъ природы гражданскихъ обществъ, и стараться о томъ, что бы всякій имѣлъ причину быть доволенъ своимъ, что бы на большихъ обращать взоръ свой безъ зависти. Надобно стараться предупреждать или по крайности препятствовать всему тому, что можетъ подать случай къ весьма великому неравенству; а что всего важнѣе и существеннѣе, споспѣшествовать умноженію жителей всякими наипостижимѣйшими средствами; напротивъ того ревностно удерживать отъ праздности, роскоши и весьма великія тонкости во вкусѣ и образѣ жизни.

Но, Тифанъ противупредложилъ, когда люди тѣмъ склоннѣе бываютъ къ развращенію, чѣмъ они многочисленнѣе, то какъ можетъ

наивозможнѣйшее размноженіе государства народомъ считаться между средствами противу развращенія?

Не множество жителей государства само въ себѣ, отвѣчалъ Ченгисъ, но весьма великое смѣшеніе ихъ интересовъ, множественное и сильное соудареніе ихъ требованій, сношеніе неравенства какъ между состояніями такъ и между членами помянутаго состоянія, и чрезмѣрное размноженіе народа единыя столицы и провинціи на иждивеніе прочихъ, суть причины сего весьма великаго смѣшенія, дѣлающаго государство склоннымъ къ поврежденію. Многочисленное шляхетство, наслаждающееся посредственнымъ доходомъ, столько же полезно обширному государству, сколько ему вредно неисчетное богатство небольшаго числа и бѣдность большія части другихъ. По той же самой причинѣ, государство получаетъ гораздо больше пользы, когда капиталъ деся-

ти миллiоновъ раздѣленъ между стами человѣками торгующихъ, нежели находится онъ въ рукахъ единаго. Миллiонъ трудолюбивыхъ людей, имѣющихъ трудность къ сниcканiю необходимаго, есть обществу гораздо полезнѣе, нежели сотни тысячь, живущихъ въ изобилiи. Въ благоустроенномъ правленiи съ трудомъ можетъ быть толикое множество народа. Все въ томъ состоитъ, что бы ихъ раздѣлить надлежащимъ образомъ, и возбранять чрезъ содержанiе разумнаго обращенiя, доставляющаго каждой части нужное пропитанiе, что бы никакая часть на иждивенiи прочихъ не возрастала до излишняго величества.

Между тысячею подобныхъ разговоровъ, которые, сколько ни полезны были для младаго Тифана, Его Величеству не могли ничего инаго причинить кромѣ скуки . . . Богъ это знаетъ! сказалъ Султанъ зе-

 внув-

внувши . . . Тифанъ и Ченгисъ прибыли въ Шешіанъ, гдѣ по расположенію мудраго старца ихъ странствованія долженствовали окончиться. Нещастныя слѣдствія мучительскаго правленія Исфандіарова достигли тогда также своего высочайшаго степени. Хотя Тифанъ видалъ въ другихъ земляхъ довольно злоупотребленій, глупостей и несправедливостей, однако едва могъ опамятоваться отъ изумленія, въ которое погрузило его бѣдное Шешіана состояніе. Путеуказатель его не забылъ ничего, что бы доставить ему о томъ обширнѣйшее и полнѣйшее понятіе. Онъ его водилъ изъ провинціи въ провинцію; онъ ему показалъ настоящій упадокъ; вразумилъ ему, въ какомъ бы цвѣтущемъ состояніи каждая изъ нихъ могла находиться при мудромъ управленіи относительно къ ея естественному состоянію, ея положенію и ея съ прочими отношенію. Онъ ему объ-

объяснилъ стечение причинъ, раззорившихъ до основанія всѣ части сего обширнаго государства. При семъ случаѣ разсказалъ онъ ему важнѣйшія перемѣны, претерпѣваемыя онымъ государствомъ чрезъ нѣсколько вѣковъ; начерталъ ему духъ разныхъ правленій, и означилъ важнѣйшія погрѣшности, учиненныя со временъ Царицы Лили. Онъ ему показалъ, сколь бы легко было помочь въ надлежащее время каждому злоупотребленію, и сколько естественно, что сіи злоупотребленія чрезъ отсрочку спасительныхъ вспомогательныхъ средствъ дѣлались наконецъ неисправимыми. Онъ ему далъ восчувствовать, коль неизбѣжно паденіе сильнѣйшаго государства, есть ли роскошь оставляется своему собственному теченію и непрежде предупреждаются пагубныя ея слѣдствія, какъ онѣ ужѐ переѣдятъ внутренности государства, и тогда ужѐ не можно онымъ пособить, какъ чрезъ крайнія средства и сильныя дѣйствія.

Здѣсь перервалъ Шах-Жебалъ повѣствованіе возраженіемъ, которое уповательно вертится также на языкѣ нѣкоторыхъ читателей. Все сіе, сказалъ онъ, весьма хорошо; но я недовольно еще понимаю, какъ честный Тифанъ, не зная ничего ни о своемъ рожденіи, ни о своемъ мнимомъ опредѣленіи, могъ сыскать всѣ сіи политическія довольно выгодныя слѣдствія, и наконецъ какъ онъ могъ понять, для чего Ченгизъ принималъ столько труда сдѣлать статскаго человѣка изъ такого мужика, каковъ онъ.

Я признаюсь, сказалъ Данишемендъ, что мнѣ бы надлежало предупредить сіе возраженіе. Тифанъ показалъ съ перваго своего юношества необыкновенныя дарованія. Щастливая чувствительность обнаружила заблаговременно всѣ способности его души. Разумъ его летѣлъ навстрѣчу наставленіямъ своего учителя. Сердце его склонно было

къ благодарности, дружбѣ и благотворенію. Онъ чувствовалъ всегда радость или печаль тѣхъ, которыхъ онъ любилъ, гораздо сильнѣе, нежели свои собственныя. Онъ не зналъ пріятнѣе тѣхъ минутъ, въ которыя онъ могъ сдѣлать имъ удовольствіе, или отдалить отъ нихъ какую печаль. Съ такою душею, достигнувши нѣкотораго познанія о свѣтѣ, чувствуется внутреннее призываніе къ благороднѣйшему дѣйствію. Думаю, что я это уже примѣтилъ, что младый Тифанъ, съ самой тоя минуты, какъ Ченгизъ подалъ ему понятіе о дѣйствительномъ состояніи человѣческаго рода, потерялъ вкусъ въ собственномъ своемъ щастіи, и горѣлъ желаніемъ вспомоществовать бѣдности своихъ сотварей; . . . желаніе сіе въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣетъ нѣчто на сказку похожее, (*) но не смотря на то, есть

(*) Въ самомъ дѣлѣ можно видѣть съ перваго взгляда смѣшное, находящееся въ

есть страсть великихъ душъ и источникъ благихъ дѣйствій. Ченгисъ воспользовался сею минутою, что бы Принца къ будущему открытію своего состоянія предуготовить. Онъ его обнадежилъ, что онъ можетъ быть опредѣленъ былъ увидѣть свои желанія исправленными гораздо совершен-

въ отношеніи силъ одного человѣка противу толь чуднаго предпріятія, каково есть, желать возбранять въ свѣтѣ всѣмъ войнамъ. Однако то подлинно, что дюжина Донъ Кишотовъ, которые разумѣлись между собою, и которые, вмѣсто того, что бы итти противу непріятелей *Дона Гайфероса и прекрасныя Мелизандры*, возстали противу истинныхъ непріятелей человѣческаго рода съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ герой ла-Манхской поражалъ своихъ химерическихъ противниковъ . . . . сдѣлали бы въ краткое теченіе жизни человѣческія довольно забавныя перемѣны для блага сего поднебеснаго свѣта.

шеннѣе, нежели онъ дерзалъ надѣяться послѣ такихъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился; и подкрѣпилъ сiю надежду множествомъ примѣровъ великихъ людей, вышедшихъ изъ темноты, что бы сдѣлаться благотворителями человѣческаго рода. Благородныя побужденiя, которыя ты въ себѣ чувствуешь, сказалъ онъ ему, суть врожденное призыванiе къ высокому и благотворительному назначенiю. Можетъ быть провидѣнiе кинуло на тебя взоръ свой, что бы сдѣлать тебя орудiемъ великихъ дѣлъ. Есть ли сiе есть его намѣренiе, то оно откроетъ намъ къ тому путь, котораго мы теперь не въ состоянiи вообразить. Однако все заключается въ томъ, что бы мы ничего не пропускали, что отъ насъ зависитъ. Старайся, любезный мой Тифанъ снискать познанiя, способность, добродѣтели, предполагаемыя таковымъ опредѣленiемъ: а о прочемъ промышлять будетъ небо.

И такъ о Тифанѣ, предпринимавшемъ свои путешествія, можно разсуждать какъ о молодомъ человѣкѣ, который хотя еще неопредѣленную, однако рѣшимую чувствуетъ въ себѣ склонность, что бы играть благородную ролю на театрѣ свѣта. И такъ мнѣ кажется, что я рѣшилъ возраженіе, которое соблаговолили Ваше Величество учинить противу политическаго воспитанія моего младаго героя.

Открыть чистосердечно, Данишемендъ, сказалъ Султанъ, все, что меня печалитъ въ семъ дѣлѣ, состоитъ въ томъ, что я не былъ столько щастливъ, что не сыскалъ въ моемъ юношествѣ Ченгиса. Бѣдный Шах - Багамъ! Ему надлежало сыскать для меня такого мужа. Но хотя бы десять тысячь Ченгисовъ жило въ Индостанѣ, то бы изъ нихъ не могъ онъ найти ни одного. Всѣ люди были для него равны, выключая тѣхъ, которые могли ему раз-

разсказывать маленькія историйки и вырѣзывать ему харицы. Ибо сіи на его глаза были великіе люди . . . Продолжай Данишеменд.

Послѣ пребыванія нѣскольких дней в Шешіанѣ, Ченгис был принужден скрыться с своим воспитанником. Лазутчики, коих Эблис содержал великое число во всѣх частях государства, извѣстили его о наших путешественниках, возбудивших подозрительное его вниманіе. По щастію достигли они уже своего неизвѣстнаго никому прибѣжища, как получено повелѣніе взять их под стражу.

Младый Тифан покоился нѣсколько дней в объятіях возлюбленныя Тиліи удручась долгим путешествіем. Наслажденіе домашним благополучіем, котораго он долго лишен был, удовольствіе увидѣть паки игры своего дѣтства и мѣста̀, гдѣ душа его получила первыя пріятныя впечатлѣнія, каза-

залось потушили на нѣсколько времени тѣ, которыя путешествіе его чрезъ Шешіанъ оставило въ его душѣ. Но скоро воспоминанія сіи возбодрствовали въ немъ тѣмъ живѣе; онѣ гнали его повсюду, и разливали горесть по веселой его жизни. Сердце его дѣлало ему укоризны: Каждый разъ, когда онъ вдавался радости, слышался ему Геніусъ вопіющій во глубину его души: О Тифанъ! Можешь ли ты веселиться тогда, когда милліоны твореній рода твоего столько злощастный?

Чрезъ нѣсколько времени послѣ его возвращенія загремѣли общія возмущенія въ Шешіанѣ. Ченгисъ, сыскавъ случай возобновить довѣренные союзы своея младости съ однимъ старымъ надежнымъ другомъ, извѣстился отъ него тайными путями о всемъ происходившемъ. Онъ сообщилъ сіи новости младому Тифану, который горѣлъ отъ нетерпѣливости видѣть утѣсненныхъ Шешіанцевъ,

анцевъ, отмщевающими своему тиранну. Тогда думалъ Ченгисъ, что время сдѣлать еще новый шагъ, что бы предуготовить Принца къ сообщенію великія своея тайны. И такъ онъ ему открылъ, что онъ самъ происходитъ изъ древнія благородныя фамиліи Шешіанскія; что онъ нѣкогда одаренъ былъ публичными достоинствами при дворѣ Царя Азора; онъ ему внушилъ, что онъ былъ вѣрнѣйшій другъ единаго брата сего Государя; и что вскорѣ по смерти сего послѣдняго, меньше для своея личныя безопасности, сколько для того, что онъ былъ убѣжденъ, что безполезно было подъ новымъ находиться правленіемъ, удалился въ сіи горы, что бы быть въ состояніи посвятить всего себя воспитанію возлюбленнаго своего Тифана не бывъ никѣмъ возмущаему. . . . Но, возопилъ Тифанъ со всемъ жаромъ, въ который ввергнуло его сіе открытіе, что же мы мѣшкаемъ итти предложить кровь

нашу ко услугамъ до крайности приведеннаго отечества, призывающаго всѣхъ своихъ чадъ на помощь, или есть ли помощь поздна, то по крайней мѣрѣ на отмщеніе?

Чингису стоило нѣкотораго труда вразумить Принцу, что какъ честность, такъ и осторожность не могутъ имъ прежде позволить принять никакую сторону, пока надежнымъ образомъ не будетъ рѣшено, на которой сторонѣ находится неоспоримое право. Исфандіаръ, сказалъ онъ, царствовалъ яко мучитель, но наслѣдственное его право на корону ненарушимо и непреложно. Государство обязано признать его за своего Царя. Это правда, оно имѣетъ права̀, которыя столько же священный какъ и его; и оно столько же мало обязано сносить все, сколько онъ властенъ дѣлать все. Но можетъ быть Исфандіаръ войдетъ самъ въ себя; можетъ быть выслушаетъ онъ спасительныя предложенія, и можетъ быть есть боль-

ше

ше огорченія, желанія отмстить, и собственныя пользы въ побудительныхъ причинахъ начальниковъ возмущенія, нежели истинныя къ отечеству любви. Время намъ все покажетъ и уяснитъ. Какъ скоро должность и честь позовутъ насъ на ту или на другую сторону, то мы тогда и пойдемъ.

Младый Тифанъ ожидалъ съ нетерпѣливостію рѣшительныхъ извѣстій. Но протекшее между тѣмъ время было непотеряно. Ченгисъ, заслужившій въ своей младости славу добраго офицера, выбралъ между сотоварищами своего воспитанника нѣсколько храбрѣйшихъ и сильныхъ, для наученія ихъ съ Тифаномъ во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ. Онъ умножилъ число ихъ избраннѣйшими молодыми Татарами, коихъ привлекъ онъ въ свою службу подарками и обѣщаніями. Тифанъ отличился тотчасъ посредѣ сего прекраснаго юношества; онъ снискалъ ихъ любовь въ толь высочайшемъ степени, и казался имъ

всѣмъ неоспоримо храбрѣйшимъ и лучшимъ изъ ихъ среды, что они избрали его единодушно своимъ предводителемъ; и сіе обстоятельство было благосклоннымъ предзнаменованіемъ въ глазахъ обрадованнаго старца. По прошествіи нѣсколькаго времени прибыло извѣстіе о смерти Царя, и о безпорядкѣ, въ которое приключеніе сіе ввергнуло безнаслѣдное государство. Тогда то не возможно было удерживать долѣе младаго Тифана; и тогда то думалъ Ченгисъ, что наступило время сложить съ себя бремя своего таинства.

Султанъ, которому ужѐ тайна была свѣдома, объяснился, что для него на сей разъ довольно, и отослалъ Философа съ увѣреніемъ, что онъ продолженіе его исторіи послушаетъ съ удовольствіемъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЯ ЧАСТИ.

